

Ольга Прокудина

*Вслед
за апрелем*

**ТОМ II
Хрусталь**

Ольга Прокудина
Вслед за апрелем.
Том 2 — Хрусталь
Серия «Вслед за апрелем», книга 2

*<https://litres.ru/73985006>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Весна 1937. Жизнь Лизы разделилась на «до» и «после». Разбитые мечты осколками пронзают душу, где едва теплится надежда. Репрессии ломают судьбы друзей. А тот, чьё место в своём сердце она едва начала понимать, уходит, так и не став опорой.

Остаётся лишь музыка и необходимость выбирать. Согласиться ли на брак без любви, чтобы не быть обузой для семьи? Или попытаться отстоять право на собственный путь, надеясь на чудо, которое едва ли возможно?

«Хрусталь» — второй том романа «Вслед за апрелем»: о том, как идти к светлому, когда вокруг и в собственной душе непроглядная тьма, а неизвестность уносит всё дальше от родного и казавшегося незыблемым.

Содержание

Часть 1 — Новое положение	6
Глава 1 — Штиль	6
Глава 2 — Польза	23
Глава 3 — Фарфоровая куколка	42
Глава 4 — Смятые тюльпаны	60
Глава 5 — Холодная весна	77
Глава 6 — Пробуждение	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ольга Прокудина

Вслед за апрелем.

Том 2 — Хрусталь

Эта книга — художественное произведение. Создавая её, автор опирался на реалии эпохи и атмосферу, однако все сюжетные линии, персонажи и частные события являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, судьбами и фактами случайны.

Оглавление

Часть 1 — Новое положение

Глава 1 — Штиль

Глава 2 — Польза

Глава 3 — Фарфоровая куколка

Глава 4 — Смятые тюльпаны

Глава 5 — Холодная весна

Глава 6 — Пробуждение

Часть 2 — Ежовщина

Глава 7 — Пропавший № 1

Глава 8 — Буря

Глава 9 — У меня есть ты

Глава 10 — Первый урок музыки

Глава 11 — Маленький лучик

Глава 12 — Лучшая подруга

Глава 13 — Жертвы № 2, 3, 4...

Часть 3 — Семья

Глава 14 — Брак по расчёту

Глава 15 — Опора семьи

Глава 16 — Озёрный край

Глава 17 — Букет роз

Глава 18 — Поезд в неизвестность

Часть 1 — Новое положение

Глава 1 — Штиль

Чёрная пелена внезапно спала. Тяжёлые веки медленно разомкнулись, но тут же зажмурились, пряча глаза от нестерпимо режущего света. Сквозь едва приоткрытые щели, пересекаемые частоколом ресниц, искажённо виделись сине-зелёные стены со слегка облупившейся краской и окружающие предметы: пустая постель с тумбой рядом и окно, при взгляде на которое, глаза непроизвольно закрылись. Усилием воли я тотчас же снова подняла веки, безмерно испугавшись возвращения в тот бесконечно долгий, беспросветный мрак. В необъяснимую бездну, где то и дело проносились обрывки звуков, мыслей, ощущений и запахов. Как безмерно ужасала мысль о том, что так и буду смотреть в эту непроглядную тьму весь остаток своего совершенно иного, странного, оцепенелого и безвольного существования. Бьющий в глаза свет отдавался болью в будто бы онемевшем затылке, но я через силу продолжала осматриваться вокруг. Никогда не думала, что простое отведение зрачков в сторону может доставлять такую головную боль. Тело словно с огненным жаром растеклось по постели, но при этом было совершенно отвердевшим, будто воск остывшей свечи.

Веки, вопреки всем усилиям оглядеться, снова сомкнулись. Опять небытие. Едва различимое шлёпанье шагов, голоса родных вперемишку с посторонними и тепло ладоней, которые не спутаешь ни с какими другими. «Мама, мамочка! Не уходи!». Не могу очнуться, не выходит проронить ни слова! Снова чужой голос. Запах хлора и горечи, а ещё иногда... гуаши¹... Прохлада. Звон стекла. Лёгкое покалывание в теле. Не ясно, где именно. Что-то холодное и мокрое где-то внизу спины, потом горячее и мокрое. Потом твёрдое. Следом круглое и неудобное. Ещё колючее. Что-то похожее на пути! Снова горячее. Холодное. Шаги и вновь тишина. Страшное, беспросветное и глухое беззвучие. Но хуже всего это не похожее на сон помрачение. Будто уже мертва, но отчего-то всё ещё продолжаю мыслить, слышать, чувствовать... словно безжизненное тело по инерции выдаёт некое подобие предсмертных конвульсий.

Глаза снова открылись, загоревшись болью. Новая попытка осмотреться. Справа незнакомая, как и всё остальное, дверь. Закрыта. Что за ней? Где я? Хочется повернуть голову или встать и повертеться по сторонам. Нет сил. Ни грамма. В течение какого-то неизмеримо долгого времени. Слева. Что слева? Вопреки отчаянным усилиям оглядеть противоположную часть помещения, забытьё в третий раз подавило

¹ Характерный запах карболовой кислоты (карболки) — раствора фенола (гидроксибензола), применяемого как мощное антисептическое, противомикробное и дезинфицирующее средство, в настоящее время из-за высокой токсичности в медицине используется редко.

волю, а потом в третий раз произошло пробуждение. Снова нестерпимо бьющий в глаза и будто бы в голову свет. Надо привыкнуть. Голова со свинцовой тяжестью откинулась влево. Тумбочка, ещё одна пустая кушетка и сине-зелёная стена. Похоже, больничная палата. Н-да уж, кажется, влипла в очередное приключение. Попить бы. Никогда в жизни так не мучила жажда. Прочистив пересохшее горло, я попыталась позвать медсестру, издав едва слышный, похожий на мычание, бессвязный оклик. Онемела что ли?! «Чёрт знает что!» — тут же злобно выругалась с испугу. Отлично!

Надо пойти осмотреться и попросить воды. С яростным мышечным усилием попытавшись поднять торс с кушетки, я поняла, что намертво зафиксирована в горизонтальном положении. Онемевшее тело с головы до ног приковано к постели чем-то наподобие ремней или верёвок. Я всеми силами принялась смотреть вниз — вдоль тела, чтобы разглядеть хоть что-нибудь, но могла довольствоваться только ощущениями. Кушетка была необычайно твёрдой. Будто лежу на деревяшке, не прикрытой не то что периной, но хотя-бы мало-мальски мягким одеялом. Спину стягивало нечто вроде корсета. Под поясницей и шеей было что-то округлое. Типа валиков. Что за экзекуция?! Что случилось?! От чего меня здесь лечат? Не иначе как от бешенства! Могли бы ограничиться пресловутыми сорока уколами и смирительной рубашкой! Я поочередно принялась двигать всеми частями тела насколько позволяли невесть зачем надетые кандалы. Го-

лова и шея, похоже, в порядке. Хоть и горят от онемения, как и всё остальное. Зафиксированные и налитые свинцом руки безвольно дёрнулись, а ладони сжались в кулаки. Похоже, тоже нормально. Грудь и поясница скованы так, что не удалось отклониться, пожалуй, ни на миллиметр. Я вздохнула полной грудью и напрягла живот. Вроде бы ничего необычного, не считая всё тех же тяжести и остолбенения, с неистовой силой исходящих от измученной неподвижностью спины и секунда за секундой всё яростнее сковывающих остальные части тела. Подобно цепной реакции. Я слегка двинула стопами, но правая ничуть не шелохнулась. Будто бы отморозенная. Ещё раз! Неподвижны обе! Попытка напрячь икроножные мышцы также оказалась тщетной. С третьего раза левая неуверенно и едва ощутимо отозвалась. Правая снова мертва. Бёдра. Тоже самое только наоборот. Если я отморозила ноги, то почему они точно также затекли, как и всё остальное и почему продолжают попеременно отзываться на команды мозга, пусть и весьма слабо?!

Я продолжала напрягать нижние конечности. Как же хочется их коснуться. Как будто отсушила ноги после неловкого прыжка с дерева или из окна. Может перелом?! Вряд ли. Однажды я ломала ключицу — просто невозможно дотронуться! А тут... боли в ногах нет вовсе и, похоже, всё цело, но при этом почти мертво. Нутро задрожало, затрепетал каждый волосок, всё существо охватил небывалой силы страх, я словно провалилась в глубокую яму, из которой нет выхода.

Что произошло? Сколько времени я здесь провела? Сознание принялось по обрывкам собирать последние воспоминания, и в ушах тотчас раздался громкий гудок и визг тормозов. Меня сбили! Память нарисовала нечто, окутанное ярким облаком жёлтого света. Что-то довольно большое, пропахшее бензином и гарью. Наверняка, это был автобус. Бред! Такая махина. Да от меня бы даже мокрого места не осталось. Или переломались бы все косточки. Чёртовы верёвки! На хрена они меня связали?! Если бы были переломы, всё было бы в гипсах. А тут. А если корсет на спине и есть гипс?! Неужто сломан позвоночник... Нет. Чушь какая-то! Я бы не лежала на спине. Там бы наверняка торчали кости. А если перелом закрытый?! Да где же окаянные врачи! Я снова не могу открыть рот от ужаса. Будто губы слиплись намертво, а язык завязали узлом. Ну, точно сон! Кошмар почище всех прочих. Я с неистовой яростью сжала кулаки, впившись ногтями в ладони. От боли по щекам покатались слёзы слишком мокрые и солёные для сна. Что было мочи, я позвала врача.

Сперва в палату заскочила Зинаида Львовна — мать Степановой Настьки и какой-то лохматый старикан, сурово приказавший успокоиться. Через несколько минут заскочило ещё несколько человек в белых халатах. Спросить что-либо у врачей совершенно не было духа. Вопросы задавали они. А я в основном лишь мотала или кивала головой, ответив лишь на самые элементарные вроде: «как тебя зовут и сколько тебе лет?». Думали, потеряла память?! Не угадали! А луч-

ше бы потеряла! Потом врачи переключились на самочувствие, ощупывая ноги и спрашивая про ощущения, что совершенно неясным образом то появлялись, то пропадали. Временами прикосновения ощущались будто бы через плотные колготки, временами как через ватные штаны, временами не ощущались вовсе. Тепло рук было едва уловимым или напрочь отсутствовало и вовсе не оттого, что эти руки были чужими. По указанию докторов я пыталась поочерёдно приподнимать задеревеневшие конечности, сгибать в коленях или делать вращение ступнями. Всё было почти безрезультатно. И с каждой неудачной попыткой накатывал всё более жгучий, мучительный страх. Только он один ощущался вполне отчётливо и был неотступным, усиливаясь секунда за секундой. На некоторое время я едва ли не потеряла связь с реальностью, снова слабо видя размытые силуэты врачей. В нос ударило что-то невероятно резкое с сильным, удушливо-горьким запахом и я тотчас пришла в себя.

Доктора принялись живо суетиться вокруг неподвижного тела, осторожно переворачивая меня на разные лады, будто боясь, что рассыплюсь. Ощупывали ноги и поясницу, порой отзывавшуюся острой, жгучей болью и по кругу задавали одни и те же вопросы: «больно?! По 5-бальной насколько? А так? Острая, тупая, ноющая?» Потом что-то долго обсуждали и с жаром спорили: «Ушиб средней тяжести». «Тяжёлый!» «Тут больно? Вот видите — средней». «А что ноги?!». «Порез. С полным комплектом неврологических

симптомов!» Какой ещё порез?! Меня же вроде сбил автобус... «Полтора-два месяца! А то и дольше!». Порезы столько не заживают и лечат их зелёной и бинтами, а не ремнями да корсетами. Если только у этого слова нет иного значения²... Они ещё долго препирались по поводу диагноза, употребляя незнакомые и оттого ещё более пугающие медицинские термины. Всё чаще повторялось одно и то же — особенно жуткое, но при этом весьма странное: «параплегия³». Пара-пара! В техникуме у вас была пара или в институте! По спецпредмету, и не по одному. Раз не можете прийти к общему мнению! Развели мне тут панику и снарядили будто в полёт к звёздам. Где уж тут ногам шевелиться, когда всё затекло. Ещё бы гири подвесили. Интересно, сколько я вообще тут лежу?! Позвали бы уже родителей что ли и отправили меня домой, раз не знаете, как лечить.

«А форма?»». «Так сразу же установили — центральная!». «А я думаю: периферическая. Тут сухожильные рефлексы...». «Да какие к чёрту рефлексы?! Смотри, какой гипертонус! Колени не сгибаются, нарушение чувствительности! Центральная и никак иначе». Знать бы ещё, что это за формы, и какая из них страшнее. Неведение пугает пуще всех непривычных ощущений вместе взятых. Следом начался но-

² Имеется в виду парез — (от др. — греч. Πάρεσις [пáрэсис] «ослабление») — неврологический синдром, снижение силы мышц, обусловленное поражением двигательного пути нервной системы или периферического нерва.

³ Параплегия — состояние, при котором парализованы одновременно две нижние или две верхние конечности.

вый спор: «три балла?», «нет два!», «да вы сами посуди-те...». Пожалуй, их весьма оживлённая полемика выглядела бы вполне забавно, если бы не касалась меня, вернее чего-то совершенно неведомого и способного всецело повлиять на мой срок пребывания в этих стенах и тесных оковах. «Давай-ка ещё раз. Поднимай!» — энергично командовали доктора, слегка надавливая сверху на и без того едва оторвавшиеся от кушетки ноги. «Два!». Как-будто я у доски на уроке алгебры и не сумела решить ни одного уравнения. «Два... Точно два». Да поняла я, поняла, что плохо у меня теперь не только с алгеброй. Но ведь на то вы и нужны. Довольно разглагольствовать! Несите ваши склянки, примочки, пиявки ну или что там... Вам лучше знать! Напомните двум малохольным ниже пояса, как надо фурычить. Я не планирую торчать здесь дольше недели. Знать бы ещё сколько уже проторчала.

Наряду с двумя предыдущими, совершенно непонятными мне словами звучало третье — вполне себе известное. Этим словом было «паралич». И чем более многократно я его слышала, тем сильнее казалось, что вместе с этой кушеткой я полечу не к звёздам, а в преисподнюю. Страх звенел в ушах и тело покрывалось капельками пота, удушливые волны ужаса накатывали одна за одной, сердце то неистово колотилось, то будто бы останавливалось вовсе. В мыслях по кругу звучало примерно одно и то же: «всё не со мной! Всё неправда! Они разберутся, снимут эти оковы, и я буду дома. Я же здорова!

Просто всё затекло».

— Всё затекло! — выкрикнула я, перебивая их консилиум и отчаянно ёрзая. — Снимите уже эти кандалы! Мне надо за водой!

Вместо понимания и сочувствия меня тотчас намертво зафиксировали на кушетке. Затем грубо запихнули в глотку трубку, залив воду, словно в какую-нибудь бездушную кастрюлю или банку, поставили больночый укол и ушли. Я тут же обмочилась, то ли от довольно большого количества залитой внутрь воды, то ли от безотвязного страха, многократно усилившегося в ту же секунду, когда снова осталась одна в этих четырёх стенах. На моё счастье от укола быстро наступило успокоение и глубокий сон.

Сквозь невероятно желанный и спокойный отдых, мало по малу пробивались шорохи приближающихся шагов и тихие голоса. Потревоженный разум тотчас запустил непрощенные, омерзительные сновидения. В них звучали «Амурские волны» и виделся насмешливый взгляд скрипача, танцующего с Синицыной. Всё внутри заколотилось. Будь проклят, Вилфрид Гесс! Гори в аду! Не знаю что со мной, но очень скоро я выздоровею и тогда не поздоровиться тебе! Ты сполна ответишь за тот штиль, что мне устроил!

Голоса рядом слышались всё отчётливее. Мама, Верочка, папа! Видевшиеся кошмары и ярость тотчас же раство-

рились, и глаза, наконец, распахнулись. У кушетки стояли удручённые родители и исполненная наивного восторга сестра. Ну, хоть кто-то рад меня видеть. Пристальный взгляд отца был непривычно неопределённым, словно лишённым абсолютно любых эмоций. Он всегда хотел первенца сына — помощника, опору, а сейчас будто бы потерял в моём лице даже дочь. По крайней мере, наполовину. Я резко напрягла обе ноги. Хренушки! Всё чувствую! Немного не так. Ну, ещё бы! Просто всё занемело и пока эти нелюди в белых халатах меня не развяжут—так и будет. И родителям, похоже, наплели с три короба разной дребедени! Про параличи и порезы. Сравнили хрен с пальцем! Меньше бы ляды точили — оно бы лучше было. Бессильный гнев, тотчас пронзивший всё существо, в одночасье растворился от взгляда мамы. В её безмерно любящих глазах читалась простое человеческое счастье, оттого, что я по-прежнему есть. Есть в этой непредсказуемой и неотвратимой реальности, именуемой жизнью, а не осталась бездыханным, изуродованным телом на развилке у соседней улицы. А раз так, значит всё поправимо! Или нет?! Снова безотвязный страх. Из глаз безотчётно покатались беспомощные слёзы. Увидев их, мама тотчас прильнула к кушетке и стала целовать мои мокрые щёки. Верочка принялась гладить крохотными, горячими ладошками едва тёплую и чуть дрожащую руку, не способную отрываться от больничной койки и отвечать на родные прикосновения. Какое-то издевательство, ей Богу! Разве нормально связывать

человека?! Я не психбольная, не опасная для общества. Раз-
ве только для одного его члена. Или я чего-то не знаю?! Сно-
ва неясный страх и слёзы.

Тяжело дыша и всхлипывая, мать продолжала нависать
над моей головой, шепча, что они любят и будут любить, что
бы ни случилось, я же по-прежнему пребывала в оцепене-
нии. Теперь слёзы словно застыли в горле, давя на грудь и
носоглотку. Вспомнилось, как перехватывало дыхание и по-
калывало переносицу, когда захлёбывалась водой в знойный
летний день на реке. Водой и счастьем. Как грудь распирало
от свободы и восторга и казалось, что весь мир остановился
в этих волшебных, дурманящих секундах. Остановился он и
сейчас. На этом неясном моменте, где меня поймали в силки
будто дичь.

— Что со мной?! — собравшись с духом, едва слышно
спросила я. — Почему меня заковали? Я кого-то убила?!

Мама растерянно отпрянула и словно застыла, а отец от-
вёл взгляд в сторону окна, уставившись в свинцовое небо. Я
бегала глазами от отца к матери и обратно, чувствуя невы-
носимое онемение каждой части тела и неистовое желание
разорвать все верёвки и удрать. Я снова напрягла ноги. Глу-
хо?! Опять! Что за дьявол?! С такими фортелями далеко не
удерёшь. Эй, вы там что сдурели?! Не надоело ещё в бирюль-
ки играть⁴? То работаете, то нет! Как Шуркин батя. Тут я

⁴ Играть в бирюльки — значение разг., пренебр. заниматься чем-либо ничего
не значащим, попусту тратить время.

главная! Ну же! Снова тишина. Не отзываются, как играющие в молчанку родители. Очень смешно! Чёртовы интриганы. Снова панический страх и неожиданное покалывание в левой икроножной мышце. Ну-ну-ну! Напрягайтесь! Обе! Живо!

— Что с моими ногами?! Пара... плегия?! — надрывно прорычала я, ощущая режущую боль в горле. Похоже трубка, что запихнули в меня для залива воды поцарапала всю гортань. — Что это значит? Я буду ходить?

Несколько последующих секунд гнетущей тишины, прозвенели в голове будто удары молота по наковальне. Затем последовало чуть слышное бормотание снова заплакавшей матери:

— Петя, не молчи! Пожалуйста.

Чуть помедлив, отец, по-прежнему глядевший в окно, сурово произнёс:

— Полный паралич с головы до пят, нарушение мочеиспускания и дефекации, утрата памяти, безумие. Но... — он повернулся и окинул взглядом ту часть меня, что осталась невредимой. — После такого удара и падения... Параплегия. Врачи сказали: это уже чудо.

— Пётр! — воскликнула мать, очевидно, ожидавшая услышать нечто другое. Но он решил огорошить нас обеих. Что-то я от «добрых» докторов такого не слышала. Что ж, неудивительно. Отец никогда не отличался умением поддерживать. Небось, доволен?! Думает мол: «допрыгалась! Теперь

полежи — охолони!»». Ну и чёрт с тобой! А я вылечусь! Если от здешних врачей не будет толку — попрошу мать позвать Нину Захаровну. Она наверняка разберётся или посоветует, к кому обратиться! У неё столько знакомых. Между тем, сердце всё сильнее сжимал безмолвный ужас. А что если...

— Эта хреновина излечима? — стиснув зубы, процедила я, устав гадать и бояться неведомой болячки.

— Конечно! Не теряй надежды! Надо молиться! — тотчас воскликнула мать и с медленной неловкостью, хватаясь за перила коек, будто бы древняя старуха, принялась перемещаться на кушетку напротив, вероятно, чтобы быстрее взять себя в руки. — Он поможет! Он нас не оставит! Ты вылечишься! — не умолкала она, словно в агонии. А раз излечима, чего все так паникуют?!

Я остановила на суровом лице отца исполненный негодования взгляд. Мать же не врёт! Почему же врёшь ты?! Не сказав ни слова, он достал из кармана брюк «Беломор», показавшийся чем-то из далеко забытого, и будто бы чужого прошлого, и быстро скрылся за дверью в палату. Из маминых глаз снова хлынули слёзы. Отворачиваться и скрывать их, было абсолютно бесполезно. Быстро скатываясь по щекам и подбородку, они лились ручьями на светло голубой воротник её платья, вскоре ставший ярко-синим и солёным, словно море. Верочка отпустила мою ладонь и, подскочив к матери, обхватила ручками её крохотное лицо, будто ставшее от переживаний ещё меньше. Сестра лепетала ей слова утеше-

ния, а я окончательно застыла, словно полностью превратившись в пару собственных, бесполезных конечностей. К горлу подступил приступ тошноты. Ещё ни разу меня не рвало от страха. Благо, что нечем. Спустя примерно минуту ноющей боли в желудке, обильного слюноотделения и спазма гортани тошнота отступила. Но страх остался. Не уменьшившись ни на грамм. Он не зависел ни от голода, ни от жажды. Не считался с тем, гоню ли его прочь или нет, бодрствую или сплю. Ведь даже забытьё, слабо похожее на сон, в принципе, было исполнено липкого, удушливого ужаса. Он не сравнится со страшилками о дюжине бабаев и серых волков под кроватью. И даже рядом не стоит с последними долями секунд перед тем, как Пирамида договорит мою фамилию, вызывая к доске. Он похож на лабиринт из журнала «Мурзилка»⁵ вот только не имеющий выхода, сколько не ищи.

Не было сил ни говорить, ни плакать, а может уже не осталось ни слов, ни слёз. Мысли путались в голове. Всхлипывания мамы отзывались в висках, мучительными ударами, а в тёплой, согретой ладонками Веры, руке ощущалась неизбывная дрожь. Вернувшийся в палату отец, безмолвно присел на кушетку напротив. Чуть поодаль от заплаканной матери, утешаемой Верой. Он насквозь пропах табачным дымом, терпкая горечь которого назойливо проникала в нос и

⁵ «Мурзилка» — советский общесоюзный массовый ежемесячный русскоязычный литературно-художественный журнал, издававшийся с 1924 года. Издание было адресовано детям от 6 до 12 лет — для «октябрят». В 1960—1980-е годы тираж журнала превышал пять миллионов экземпляров.

лёгкие. Вспомнилось, как околачивалась за углами с сигаретой и сердце застучало барабанным боем. Нет! Стены этого лабиринта непременно рухнут. Я вылечусь и снова вернусь на свободу. А друзья принесут мне целую пачку «Казбека»!

— Что вы сидите?! — внезапно воскликнула Верочка, со строгим недоумением взглянув на родителей и, отпрянув от опустившей голову матери, потянулась к стоящей на тумбочке тряпичной сумке. — Здесь же гостинцы! Для Лизы!

— Да! Врач разрешил! — отмерла мать, потянувшись к сумке.

Тошнотворный запах пирожков и солений, совершенно не ощущавшийся до сего момента, ударил в нос кисло-сладкой волной.

— Не буду! — резко отозвалась я. — Не буду, пока меня не развяжут, и не объяснят толком, сколько тут торчать!

— Тебе надо лежать! Иначе позвоночник не восстановится! Строго горизонтальное положение. Покой и питание. Упрямство и горячность тебе не союзники! — сурово увещевал отец.

— Вот! Покой и питание. Тут булочки с маком, вишнёвый компот, сало, хлеб и огурчики из бочки. Всё, как ты любишь, — едва слышно перечисляла мама. — Ведь не ела же с тех пор...

— И теперь не буду, пока не развяжут! Да как вы не поймёте: у меня всё занемело?! Какие тут ноги?! Ну, если и есть нарушение, так надо разминать, шевелиться, а не ле-

жать пластом! Вас бы привязать, да поглядеть что будет! — мои возмущения продолжались бы, если б не окончательно разодранное резкими выкриками горло. — Идите домой! — только и сумела договорить я.

Отец гневно цыкнул, вскочив с кушетки, а мать снова принялась всхлипывать, безвольно перебирая ткань сумки. Не в силах больше наблюдать их отчуждение и ощущать в нём будто бы какую-то вину, я тотчас просипела отцу:

— Обними её! Обними, и идите домой! Я всё съем. Обязательно съем. Потом.

Ангелочек-Верочка взяла отца за руку и, подтянув к матери, крепко обняла их обоих. Спасибо тебе, сестричка! Порой думается, что без тебя мы были бы как стул на трёх ногах. Чем-то очень шатким и практически бесполезным. Чем-то, что трудно назвать семьёй. Но чем мы будем теперь?! Снова постылый, удушливый страх. Внезапно все трое подошли и обняли меня.

— Всё будет хорошо, — прошептала мать.

— Мы найдём врача, — вторил ей отец.

— Ты поправишься, — ласково мурлыкала Вера.

Их слова, объятия и выражения лиц теперь были совсем иными, чем несколько минут назад. В них не было той лишающей сил жалости и скорби. Только решимость и желание победить все преграды. Как будто мой неведомый недуг укрепил этот дышащий на ладан табурет. Что ж, надеюсь, когда я встану с этой койки, он не начнёт качаться снова.

После ухода родителей, врачи и медсёстры провели необходимые манипуляции, включавшие смену белья и судна, небольшое изменение положения тела, разминания и контрастные компрессы. Потом я ненадолго задремала. А дальше наступила, пожалуй, самая ужасная в моей жизни ночь. Вспоминать и пересказывать её нет сил. Это была агония, исполненная неотступного, замершего в каждом уголке естества страха. Казалось, вместе с ногами и телом замерло и застыло всё: кровь, сердцебиение и дыхание, а самое страшное — время. Ещё никогда не казавшееся бесконечностью.

Глава 2 — Польза

Утром появилась молоденькая медсестра с аккуратным, густым пучком на голове — ровесница Шуры или около того. Вчера она, кажется, уже была здесь, но я была едва ли способна кого-либо толком разглядеть и запомнить. Девушка покормила меня крохотной порцией овсянки, но вместо насыщения тут же подкатила тошнота. Принимать пищу в лежачем положении с чуть приподнятой головой — то ещё удовольствие. Шея будто сжата и каждая, даже крохотная порция проходит словно ёршик в узкое горлышко бутылки. Вишнёвый компот, оставленный матерью на тумбочке, промочил гортань, слегка унял неприятные ощущения и успокоил взбунтовавшийся желудок, но после возник кисловатый привкус. Мысль о маковых булочках вдогонку вызвала приступ тошноты. Я предложила их медсестре заодно с остальными гостинцами, включая огурцы, запах которых казался невероятно кислым и, наверняка, набил бы оскомину в носу, если бы такое было возможно. Вместе с этой странной парой... паранормальной болезнью даже запахи были какими-то иными. Всё было иным. Начиная от неизменного ракурса обзора, вынуждавшего то и дело ломать глаза, и заканчивая невыносимой позой, в которой сон без укола снотворного становился почти невыполнимой задачей. Притом что снотворное врачи категорически не рекомендовали как

нечто мешающее выздоровлению и кололи лишь единожды: в тот день, когда разбушевалась во время их консилиума. С того раза то и дело хотелось снова начать вырываться, дёргая всем, что успели отвязать во время осмотра и процедур и, всем, что в принципе может дёргаться, но страх усугубления болячки держал изнемогающее от обездвиженности тело в узде. Всё-таки в этом весь персонал и родители были едины: горизонтальное положение и покой. Я бы перестала ложиться вовсе, если бы я знала, что когда-нибудь случится вот так лежать уже целых... целых...

— Сколько я была без сознания? — слегка покашливая, спросила я медсестру, благодарно принявшую угощение.

— Почти двое суток. Сегодня суббота. Очнулась в четверг. Поступила во вторник. Вечером. Как раз в конце моей смены. Как сейчас помню.

Ещё бы. Умудрилась угодить под автобус, коих на весь город не наберётся, поди, и двух десятков. Расспрашивать подробности не было ни малейшего желания. Единственный вопрос, интересовавший всё время после прихода в себя:

— Когда меня выпишут?

Девушка стушевалась и вмиг опустила глаза:

— Ну, это ведь главврач решает. Фёдор Игнатьевич. Скоро зайдёт на обход и спросишь. Он у нас очень хороший. Опытный. Стаж почти полвека. Стольких...

— Что не скоро, да? — процедила я. — Ты говори как есть! Полуправду не люблю. И жалеть меня не надо! Недели

через две-три?

Медсестра тяжело вздохнула и робко подняла грустные глаза:

— Месяца...

— Два-три месяца?! — взревела я. — Да в деревяшку же превращусь! Вот в эту, — чуть развернув руку, постучала ногтями по щиту на постели.

— Просто у нас был похожий случай. Дедушка после перелома поясницы. Лежал три месяца.

— Я не дедушка! И случай совсем не похожий! Всего-то ушиб! Сколько ты работаешь? Полгода? Год? Два?

— Почти год, — замялась девушка.

— Фи! Тоже мне. Салага! Ты ничего не знаешь!

Внезапно медсестра вспыхнула, гневно заправив за ухо, выбившуюся из пучка тёмно-русую прядь:

— Просила правду — получи! Жалеть тебя не собиралась! Больно надо! У меня тут таких полное отделение... Салага... А я, между прочим, техникум с отличием закончила. И под автобусы не бросалась... из-за ребят!

— Это я-то?! Из-за этого гавнюка под автобус?! Ещё чего?! — ярость быстро сменялась болью, а горло сжали подступающие слёзы, насилу позволив спросить: — Кто это выдумал?

Хотя вполне обоснованное предположение уже в общем-то имелось. Весь мир же только вокруг тебя и вертится! Ну, погоди, ты у меня попляшешь! Не под «Амурские

волны» так под «Реквием⁶». Через месяц, коль не найдёшь пятый угол, отправишься за досками, красным бархатом и копачами. Живьём зарю, гада!

— Какая разница?! Зря не скажут.

Но если с автором всё ясно, то кто оказался «языком» здесь — в больнице?

— Поди, Степанова натрепала? — тотчас предположила я. Кому как не ей знать школьные сплетни?! Желание разрешиться сменилось яростью. А я-то, наивная, считала Львовну вполне безобидной. Черта с два! Что дочка, что мамаша... яблоко от яблоньки. Вот бы прямо сейчас высказать ей всё, что о них думаю.

— Она... А вы, значит, знакомы?

— Угу. А сейчас познакомились поближе, едрить её налево! Мать «любимой» одноклассницы.

— Н-да... Старшая медсестра. Между нами говоря, вредная тётка, - осуждающе наморщила аккуратный носик девушка. — Тут тоже сплетни сводит.

— Ненавижу сплетников! — процедила я, слегка обрадовавшись неожиданной поддержке. — Слушай, будь другом, принеси попить. После компота кисло. Только холодной. Комнатную не люблю. А за салагу извини. Я сгоряча.

— Понимаю. А ты за сплетню. Терпеть не могу судачить. А тут... вырвалось.

⁶ Реквием (от лат. Requies — «покой», «упокоение») — заупокойная месса (Missa pro defunctis) в Католической церкви латинского обряда.

— Вырвалось у кого-то другого. А я вырву ему помело! Только бы выйти отсюда поскорее!

— Ну, раз правда с тобой — значит скоро выйдешь! Я мигом! — воодушевлённо отозвалась девушка, поспешив за водой, а я лишь с невольной завистью проводила глазами пару стройных ножек и тотчас напрягла свои. Ощувив острую боль в левой икроножной мышце, я громко вскрикнула. Слезы быстро покатались по щекам. Господи, как больно! Не знаю, что хуже: почти полное отсутствие чувствительности или эта агония. Я стиснула зубы. Если не станет легче — придётся просить укол. Ещё один укол — ещё один шаг назад от цели. Терпи, Лиза! Терпи! Если больно — значит живо. Значит, скоро всё станет на свои места. Доводы разума действовали плохо, и я с силой попыталась упереться пяткой в кушетку. Симптом напоминал судорогу, порой возникавшую у меня в холодной воде, и потому я применила тот же способ от его избавления. Боль постепенно отступила, но мышца не перестала ныть. Что ж, а я по сему поводу ныть не буду. Тем более что в палату зашла медсестра с обещанной водой.

— Ты плакала? — с сожалением в голосе проронила она.

— Судорога. В левой икре, — буркнула я, слегка злясь на девушку за сочувствие, которое просила не проявлять.

— Так это же хорошо! Мышцы фунциклируют! Передам врачу.

— Угу. Только больно.

Медсестра переложила валик из-под шеи под голову и

поднесла к моим губам большую кружку с водой. Я судорожно принялась хлебать. Гортань болела от жадных глотков и покалывала от прохлады, но я пила. Пила до изнеможения, до боли в желудке, готовом лопнуть. Так пил соседский телёнок, не знающий меры и осушавший любую ёмкость, в которой подносили питьё — хоть корыто, хоть ведро. А мы с ребятами всё спорили, выпьет ли он цистерну или реку, но так и не сумели проверить: здоровенного быка сдали в колхоз на мясо. Студёная колодезная вода казалась благодатью, божьим даром и, по сути, так и есть и было всегда, вот только считалось обыденностью. Промочить горло и забыть. Как считались обыденностью здоровые ноги. Встал, обулся и пошёл. Можно и не обуваться — прыгать по прохладным лужам до стука в зубах, да бегать по колючему, хрустящему снегу до жжения щиколоток и ступней. Глаза увлажнились. Кружка осушилась. Голова обессилено опустилась на валик. Нет, никаких соплей! Всё ещё будет! И лужи и реки, и снежное покрывало, и цветочный ковёр! Вот только сердце по обыкновению сжималось от неизвестности.

— Ну ты даёшь! Думала раза на три-четыре, — усмехнулась медсестра.

— Ничего не поделаешь! Всегда любила выпить! — впервые за пребывание здесь рассмеялась я, дабы окончательно прогнать мрачные думы. Девушка рассмеялась в ответ. — Я Лиза. А тебя как звать?

— Полина. Для больных Польза.

— Отлично! Надеюсь, Польза поможет сладить с обрушившимся на меня вредом?!

— А как же?! За этим я и нужна, — обнадёживающе улыбнулась Полина, на румяных щеках которой выступили две милые ямочки. — Пойду — напомним медсёстрам, что тебя пора потормозить. После обеда разрешено посещение. До четырёх. Но могут продлить. Попроси! И на завтра. Выходные же. Слышала твоя мама — учитель музыки. Значит отдыхает.

— И всё-то ты слышала, — прищурилась я.

— К ней на уроки младшая сестра моей соседки ходит.

— Скрипачка значит...

Ненавижу скрипачей, ненавижу скрипку, ненавижу музыку! Она рождает глупые, несбыточные мечты. Как хорошо, что больше не слышу в голове ни единого напева. Но то, что то и дело всплывает там сейчас, пожалуй, гораздо ужаснее. Польза унеслась к остальным пациентам. А я, с нетерпением дождавшись так называемого торможения, принялась расспрашивать пришедших медсестёр и физиотерапевта о своих перспективах. Точных сроков никто, разумеется, не давал. Но ноги сегодня вели себя получше. Особенно левая, несмотря на недавнее подобие судороги. И всё ещё не до конца отпустившую боль. Дважды я даже сумела слегка согнуть её коленном суставе и чуть поворачивать стопой. Но что не так с правой?! Почему она почти не отзывается ни на какие приёмы?! Толку вылечить одну, чтобы потом мёртвым капиталом

волочить другую?! Паника неумолимо нарастала и заметившие мой безмолвный ужас врачи, принялись говорить о том, что разная скорость восстановления работы конечностей — это нормально и что реабилитация, проходит у всех совершенно по-разному. Следом убеждали в абсолютной важности терпения и позитивного настроения. Внезапно в палату вошёл суровый, коренастый дед, тот, что когда я очнулась, заявился первым, а потом, во время консилиума, особенно ярозатыкал всех остальных. Видимо, Фёдор Игнатьевич. Ну, наконец-то расспрошу о своих дальнейших перспективах! Но главный лишь коротко дал указания возившемуся со мной медперсоналу, а мой единственный, робкий вопрос о выписке просто-напросто проигнорировал.

— Руки можно освободить! — приказал он коллегам, направившись к двери, и сурово сделал мне внушение: — И не вздумай ничего развязывать и трогать! Если, конечно, ходить хочешь!

— Ч-что? — заикнулась я, вслед захлопнувшейся двери, тотчас осознав, почему меня с особым пристрастием привязывали к кушетке. Что за народ?! Разве водитель автобуса не говорил, что сам меня снёс?! Или соврал, дабы увильнуть от наказания?! Выходит нынче всё решают враньё и сплетни! И любую пострадавшую сторону можно выставить психически нездоровой! «Я не прыгала! Не прыгала! Он сам меня сбил! Сам!» — принялась отчаянно вторить одни и те же фразы я, обливаясь липким, холодным потом, и наполняясь то отчая-

нием, то гневом. Устав от тщетных попыток совладать с моей неуёмной жаждой справедливости и яростными попытками, если не сбежать, так уползти, куда подальше из этого царства лицемерия, врачи приняли решение снова вколоть морфин. Не дождавшись родителей, я беспробудно уснула.

С развязанными руками существовать стало несколько проще. Жаль, что развязаны они были не в прямом смысле. В противном случае, наверняка придушила бы распространительницу слухов — Зинаиду Львовну, которая, к слову сказать, ушла в отпуск, так и не попавшись мне на глаза. А ещё я непременно нашла бы способ дотянуться этими самыми, развязанными руками до автора сей увлекательной истории, а дальше поминай как звали. Благо скоро всем стала известна правда. На суде шофёр злосчастливого автобуса — дядь Вася — подробно рассказал, как всё было, признавшись, что отвлёкся на буйного пассажира-забулдыгу и не заметил, как «из-за высокого сугроба выскочил кто-то маленький». Понятное дело, что и сама виновата. Эмоции эмоциями, а глядеть, куда прёшь надо. А дядь Вася мировым мужиком оказался — гостинцы через мать передавал. То шоколад, то орехи, раз даже апельсины. Я про них только в книжке читала, но говорят шибко для больных полезные. И где ж он их только достал?! За наезд два года дали. Условно. Правда, водительских прав, всё же лишили, будь они неладны.

Пребывание в сине-зелёных стенах понемногу превращалось в рутину. Утро: обработка подкладного судна, подобие водных процедур, завтрак. Книжки, бесконечными стопками приносимые матерью, учебники и домашние задания, выясненные у соседских ребят. Компрессы и массаж. Обед. Тихий час и снова книжки. Поначалу руки, неподвижно и непривычно долго держащие на весу чтиво, затекали так, что ощущались примерно также, как и ноги, но потом Польза где-то раздобыла подставку, которую мы водружали мне на грудь. От букв рябило в глазах и иной раз казалось, что вот-вот ослепну. Но порой чтение становилось едва ли не единственным спасением от всепоглощающих, мрачных мыслей. После тихого часа, по обыкновению, очередные примочки и некое подобие лечебной физкультуры. Мама и Верочка. Окно. Бесконечные размышления о произошедшем вперемешку с заунывными, незнакомыми и непрошенными мотивами. Треклятая музыка упрямо не желала покидать разум, порой прилипая так назойливо, что хотелось прополоскать мозги. Снова спасали книжки, будь они неладны! В половине седьмого ужин. А дальше вся скука, грусть, страх и безысходность поминутно становились всё сильнее и сильнее, а потом... потом наступало самое страшное — ночь. Бесконечно долгая и мучительная. Спина и шея затекали ещё сильнее, чем днём и тяжелели, будто бы наполняясь раскалённым металлом, порой их пронзала острая боль. Плечи и руки ныли, а пальцы покалывали горячие мурашки. Фёдор Игнатьевич

говорил, что нарушено кровообращение. А весьма ограниченное движение, само собой, усугубляло ситуацию. Телесные муки перемежались с муками душевными, и кажется, страданиям не было ни конца, ни края. И тогда я злилась. Я ненавидела всё вокруг и стискивала зубы. Иногда ненадолго наступала полудрёма, а потом всё повторялось снова и снова.

Результат лечения за последний месяц был весьма незначительным: выходило слегка поднимать ноги с сопротивлением в виде чуть надавливающих на них рук докторов, иногда удавалось полноценно сгибать в коленях. Но только левую. Чувствительность же всё также была весьма непостоянной и непредсказуемой. Кроме того, часть фиксаторов, в том числе с поясничной области, благополучно сняли и стали иногда разрешать ложиться на бок, но совсем ненадолго. Фёдор Игнатьевич то и дело твердил, что динамика у меня вполне хорошая. Как говорится: сам себя не похвалишь... С такой «хорошей динамикой» дай бог выйти хоть к маю. Мама и Вера приходили ежедневно — как на работу. В то время как даже сам Фёдор Игнатьевич регулярно отдыхал по субботам или воскресениям, а иногда и в оба выходных сразу. Отец же, даже когда был дома, посещал сие весьма малопривлекательное заведение крайне редко. И я прекрасно его понимала, слегка завидуя тому, что у него есть подобный выбор. Мать приносила гостинцы и рассказывала новости о соседях, что регулярно спрашивались о моём лечении. Лопуховы едва не каждый вечер заказывали междугородние звонки через по-

что, куда мать заходила по пути из госпиталя домой. Один раз звонили даже сюда и меня на каталке вывозили в коридор на переговоры. С Пользой я очень подружилась, без утайки рассказав свою малоприятную, зато очень даже поучительную историю «любви». Неплохо нашла общий язык и с напарницами девушки — Галечкой и Олечкой, правда те были нас постарше. Даже Фёдор Игнатьевич будто бы оттаял и стал порой отпускать хоть и немного колкие, но вполне себе ободряющие шутки. Вот только прогресс в лечении, вопреки всем ожиданиям, будто бы застрял на мёртвой точке. Возможно, из-за тех двух уколов морфина или из-за ужасно неприятных и крайне сильных переживаний, выпавших на первые и самые важные в процессе лечения дни. А может полное выздоровление мне и не светило...

Учить уроки почти не удавалось. Но этого никто особо и не требовал. Понятное дело, что экзамены, вероятнее всего, сдать не получится. По крайней мере с первого раза. Но в общем-то, если выйти отсюда хотя бы через месяц, в течение мая, возможно, выйдет всё наверстать.

Посещения кем-то, кроме родителей, по-прежнему не разрешались. А мне так хотелось увидеть друзей и Нину Захаровну. Вот только, всё ещё хворавшая старушка, увы, сюда бы не дошла, а друзьям и в правду не стоило видеть меня в таком беспомощном и неприглядном виде. Лучше дождусь, когда разрешат хотя бы иногда пребывать в полусидячем положении. С внешним видом дела, само собой, тоже не ахти.

Как-то Польза принесла мне зеркальце, и я насилу смогла опознать собственное посеревшее лицо и тусклые, похожие на битумную паклю волосы. Хоть срежай и отдавай отцу — конопатить в избе щели. Спасибо хоть мать три дня назад, наконец, отстригла мне ястребиные когти.

Но, не смотря на запрет на посещения, друзья меня не забыли, регулярно приходя в смену сговорчивой и добродушной Пользы. Поля передавала их подарки к восьмому марта, регулярные приветы, пожелания скорейшего выздоровления и ободряющие открытки, а от одного, особо сердобольного гостя, приносила карточки с красивыми городскими пейзажами и шоколадки. Польза рассказывала, что Вальдемар приходил чаще всех и в первое время едва ли мог сдерживать слёзы. Такие подробности злили и умиляли одновременно. Интересно, смог ли он сблизиться с Алей? Порой очень хотелось попросить Полечку передать ему письмо. Но, выделять Гесса среди прочих, очень уж странно и неправильно по отношению к подруге. Я передавала всем устные послания, а Полина пересказывала новости от них. О контрольных и отметках, о принятых в комсомол, о провинившихся и исключённых и о многом, многом другом. Слушая рассказы Пользы, я безмерно радовалась, представляя, как здорово им всем живётся там — на свободе, как легко дышится свежим весенним ветерком, что едва доноситься до меня из окна, как беззаботно хохочется над чудачествами друг друга, как привольно гуляется юными, бойкими ножками, как нежно и

трепетно любиться... Раз за разом радоваться их рассказам было всё труднее. Как будто я всё сильнее отдалялась от того некогда обыкновенного, а теперь будто бы волшебным образом прекрасного мира. Будто бы всё быстрее затягивала вязкая тряпина беспомощности и всё выше поднимались стены тупикового лабиринта. «Чепуха! Ещё повоюю» — отмахивалась я, ощущая внутри всё более зыбкую уверенность в победе и будто бы стыд за ложь самой себе.

Едва физиотерапевт успел уйти, как в палату залетела довольная Полина:

— Танцуй, Лизка! Тебе письмо!

— Ух ты! — сделала несколько лёгких движений руками и плечами я, мысленно перебирая возможных адресатов.

— Угадай от кого!

— От Али?! — назвала самый очевидный вариант.

— Эх! Даже неинтересно, — вздохнула Полина, вытянув послание Бобровой из кармашка халата и вручив мне. — Ну, читай-читай! Я пока в палату 6/1 сгоняю.

— 6/1?! — ухмыльнулась я. — Что за палата такая?

— Бывшая кладовка. У запасного входа. Подальше от особо впечатлительных и любопытных. Туда утром девочка поступила. С мамой. Редкий врождённый недуг. Нужно помочь освоиться. Показать, что где.

Я гукнула, ощутив неприятное волнение, но, едва начав читать послание Лисёнка, быстро забыла сказанное Полиной. Зря не писали друг-другу раньше! Это ведь почти такая

же возможность посекретничать, как и наше шушуканье на переменке или по дороге домой. Не считая необходимости посвящать в некоторые подробности третье лицо. Но Поля — человек надёжный и наверняка без проблем согласиться выделить несколько минут, дабы побыть моим секретарём. Алечка рассказывала о том, как прибавилось хлопот с подросшими младшими братом и сестрой. Мол, такие сорванцы, что даже Алёнка уже не справляется. Далее следовало сетование на учёбу и на плохие отметки за четверть. Н-да, Алё хлебом не корми, дай поныть. Каникулы! Что ещё надо?! Мне бы её проблемы. В конце послания Боброва сокрушалась относительно полного отстранения Володи. Писала, что почти перестал гулять с остальными ребятами и превратился едва ли не в затворника. А ещё Боброва поведала о некой стенгазете, на тему охраны леса, нарисованной Вальдемаром и висевшей в 10 «Б» и что, дескать, на ней была изображена я. Внутри что-то странно всколыхнулось, и ладонь непроизвольно прикрыла удивлённое восклицание.

«...Почти все заметили, что очень похожа. А Юрка спросил ты или нет. А он ответил, что «просто рисовал девочку, а получилась Либбет». Но сдаётся мне, что получилась не случайно. Мы с Алёнкой газету эту тоже рассмотрели. Ты там в лесу, а позади озеро. Как будто Сазанка. Стоишь в зелёном платье и венке что мы с ней сплели. Из пролесков. Как если бы он видел тебя тогда — в начале лета. Разве

так бывает?

Так что, похоже, ничего у меня с ним не выйдет. Сердце его тобой занято».

На этом письмо завершилось, а я лишь безвольно опустила сжимающую его руку на деревянный щит под наполовину обездвиженным телом. Что ж ты делаешь Володенька?! Живи! Живи и радуйся! Гуляй с друзьями, катайся на велике, готовься к поступлению в лётную школу, фотографируй, рисуй. Пейзажи, дома и самолёты, но не меня! Пожалуйста, не меня! Слова Шуры, Али и даже Вани — все об одном. Но слова его самого в том письме... Похоже, Саша права, сказав, что оно было проверкой. Но одно ясно точно — я ему не пара и никогда таковой не была. Особенно теперь, когда лечение затянулось. Порой я и сама едва ли не готова сдать, так что говорить о ком-то другом. Тем более о столь юном, добром и симпатичном пареньке, у которого уже есть как минимум одна воздыхательница в лице Алевтины. И пусть я безмерно по нему скучаю и жду встречи, нам определённно лучше забыть друг о друге навсегда.

Дождусь Полину и попрошу написать Алевтине ответ. А Гессу, когда тот придёт в очередной раз, велю предать, чтоб больше тут не появлялся. Грубо, конечно, но иначе нельзя. Потом ещё спасибо скажет. Остаток дня в ожидании Пользы тянулся особенно долго. Последнюю книжку, принесённую мамой, дочитала ещё утром. И сегодня они с Веркой,

как назло, задерживались. А может так казалось из-за навязчивых мыслей о прочитанном в Алином послании, которое я предусмотрительно припрятала между деревянным щитом и поверхностью кушетки.

Возмущение смешивалось со стыдом, потом становилось как-то непривычно волнительно и будто бы приятно. Следом мерзко за собственное потаённое блаженство, а затем я злилась на себя и на Вальди, то и дело, пытаясь вспомнить тот летний день на озере. Думалось, мы с ним уже попрощались, когда девочки принесли мне цветочный венок. Или нет? Но как он вообще смог добиться такого сходства?! Говорил ведь, что портреты совсем не выходят и ни одного не показал. Срисовал с какого-нибудь общего фото? Но на всех наших карточках я то и дело заливалась со смеху или корчила разные мины. Неужели воссоздал образ по памяти?! А что если после нашего прощания он запечатлел меня на «Фотокор»?! А быть может, сделал это и до?! Оттого и прятался на дереве, а потом будто скрывал что-то под курткой. Вспомнилось, как на следующий день на щеке Володи красовалась ссадина, а потом Фрид говорил о каких-то снимках, а он то и дело увиливал от разговоров и вопросов об этом. Всё сходится! Спасибо хоть не додумался нарисовать в стенгазете процесс купания обнажённой девицы. Дитя природы, ёлки палки! «Берегите лес от пожара, а наготу от посторонних глаз!». Он двинутый! Ещё хуже братца! Бешенство и ярость сменялись тошнотой от обиды и бессилия. Следом в душу снова

закрадывался стыд от мыслей о том, что невольно стала для него в некотором смысле первой... Потом снова ярость от того, что Фрид тоже видел те карточки. Поступок скрипача на танцах теперь казался ещё более горьким, а поведение Вальди и вовсе вызвало удушливый страх. Оказывается, быть объектом шпионажа не так уж и приятно. Даже если наблюдатель — втрескавшийся в тебя невинный паренёк, а не нахальная девчонка-оборванка.

За остальным караваном чувств и состояний неожиданно увязалась и зависть. Ревнивая и невыносимо странная. Зависть к самой себе. К здоровой себе, способной пробудить желание любоваться, вызвать порыв вынуждающий забыть обо всём, включая страх, лишь бы узреть приятный взору облик, запечатлеть его на память и рассматривать, когда натура где-то далеко. Скрывать трофей от посторонних, а если норвят отобрать — отвоёвывать с кулаками. А что теперь? Какие чувства может вызвать полуживое тело, не способное без посторонней помощи даже испражниться? В лучшем случае жалость, в худшем омерзение и желание держаться как можно дальше. А может пусть мой наивный воздыхатель придёт? Придёт и посмотрит, во что превратилась его первая любовь? Может тогда, наконец, сможет выбрать между мной и Бобровой?! Может хоть так до него дойдёт, что Лиза в его мечтах и реальная Лиза, тем более теперь, это тоже самое, что небо и земля?! Состояние беспомощности и страха росло подобно грозовому облаку и, не в силах больше сдержи-

ваться, я начала рыдать навзрыд и яростно дёргаться, забыв о наставлениях врачей. Это был третий укол морфия.

Глава 3 — Фарфоровая куколка

После долгожданного сна, длиною около восемнадцати часов, я проснулась как никогда спокойной и отдохнувшей. Всё произошедшее накануне казалось едва ли не смехотворным пустяком. Тело почти не ломило, а правая нога будто бы, наконец, твёрдо вознамерилась догнать по активности левую, всё чаще отзываясь на команды разума. А может стать морфинисткой? По крайней мере, это отличный способ ухода от невыносимых пыток обездвиженности. Кроме того, есть прекрасный шанс закончить эту перевернувшуюся с ног на голову жизнь, просто мирно уснув. Тьфу ты, ишь чего удумала? Столько недель насмарку?! Ну, уж нет, надо терпеть и долечиваться! А из зависимостей, пожалуй, предпочту оставить более безобидную в виде сигарет. К тому же морфий вне этих стен достать будет практически невозможно. Я же не некий врач по имени Владимир Бомгард⁷, да и становиться кем-то вроде него, в довершении всего случившегося, как-то совершенно не хочется.

Неожиданно в палату вошла Зинаида Львовна и на удивление вежливо и будто бы заискивающе поздоровалась. Обида за сплетню, конечно, давно стёрлась. Хоть и оставила в душе неприятный осадок. Но коль «инцидент исперчен», как

⁷ Владимир Бомгард — главный герой рассказа Михаила Булгакова «Морфий», опубликованного в 1926 году.

писал один из моих любимых поэтов⁸, «перечень взаимных болей, бед и обид» уже не к чему. Я поприветствовала Степанову в ответ и внимательно выслушала порядок моего дальнейшего лечения и пребывания в этих стенах, чётко обозначенный Фёдором Игнатьевичем. Во-первых, в связи со вчерашней ситуацией, обмен письмами с кем-бы то ни было отныне строго запрещается. Во-вторых, посещения друзей и одноклассников не дозволяются ещё месяц, даже если уже смогу находиться в полусидячем положении, и в-третьих через неделю меня переведут... на сухпаёк и в расстрельную камеру?! В другую палату — поближе к процедурному кабинету.

Как ни странно, но мне отчего-то было совершенно наплевать на подобный бойкот и предстоящую смену одних сине-зелёных стен на другие. Только сейчас подумалось: что если прищурить глаза — эти цвета и оттенки напомнят ту самую сине-зелёную комнату, неподобающее пребывание в которой будто бы и привело меня сюда. Интересно было одно: как врачи узнали о подружкином письме? Очевидно, рассказала ничего не подозревающая Поля. Надеюсь, ей не влетело? Незаметно попнувшись пальцами между доской и кушеткой, я убедилась, что послание на своём месте. Ещё не хватало, чтобы написанное в нём оказалось в чьих-то чужих руках и стало поводом для очередных сплетен. А то местные

⁸ Инцидент исперчен — строка стихотворения из предсмертной записки Владимира Маяковского.

матёрые специалисты, судя по всему, уж больно любят лезть в чужую жизнь. Что ж, видимо, придётся завершить переписку, даже не успев толком её начать. Попрошу Пользу передать Бобровой первое и последнее послание. Нет-нет, я не потому вспомнила предсмертные стихи Маяковского. Просто хочу дать Алевтине надежду и объяснить, что ревновать Володю к подруге-инвалидке с весьма туманными дальнейшими перспективами — занятие, мягко говоря, странное. А даже если я через каких-нибудь полгода, наконец, встану на ноги, у Вальди за это время уже будет совершенно новая жизнь и другая компания в лице студентов и студенток лётного училища и ревность к последним будет гораздо более логична.

Прежде чем уйти, Львовна рассказала ещё о какой-то новой процедуре, основанной на стимуляции мышц посредством электрического тока и о том, что Фёдор Игнатьевич выхлопотал аппарат для её проведения через Наркомздрав⁹, а я отчего-то чувствовала какое-то совершенно непривычное безразличие. Хотелось конфет или мороженого. Или и того и другого сразу. Много-много. А ещё домой. Неизбывная тоска по родной обители была сильна как-никогда. В мыслях мелькали картины будто бы цепляю эту треклятую койку на буксир к уходящим маме и Вере и мчу по улицам

⁹ Наркомздрав СССР — народный комиссариат здравоохранения СССР — орган государственной власти СССР в ранге министерства, управлявший развитием здравоохранения с 1936 по 1946 год.

как можно дальше от этих стен. Измождённое от позы оцепенения тело, даже несмотря на непривычно длительный отдых, хотело, наконец, оторваться от ненавистой деревяшки. От такого невозможно отдохнуть, как и невозможно привыкнуть, сколько не пытайся. Я ведь не мумия, хотя покинуть саркофаг, именуемый кушеткой, без постороннего участия, разумеется, не смогу.

На следующий день ближе к вечеру, наконец, появилась Полина, но не успела я обмолвиться и словом о произошедшем пару дней назад, как она сообщила, что сейчас приведёт знакомиться ту самую девчушку из палаты 6/1. Признаться, я уже успела приревновать, ведь Польза ещё никогда не оставляла меня без внимания дольше, чем на полдня. Но сегодня даже водные процедуры со мной проводила не она, а Оля. Что ж, любопытно, что там за малявка, с которой так быстро сдружилась моя Полечка. Надеюсь, не отобьёт у меня так называемую больничную подругу.

Через добрых десять минут у дверей раздались шаркающие шаги и жутковатый сиплый голос. Дверь со скрипом отворилась и Полина, за руку подвела ко мне девчушку лет шести. Увидев ребёнка, я пришла в ледяную оторопь. Беглый взор, брошенный на девочку, тотчас успел уловить всё, что повергло нутро в неистовый хаос. Просто не верится, в существование подобных бедолаг! Неестественно длинные руки и ноги были очень тонкими, пальцы напоминали паучьи лапы, а грузную, изогнутую спину венчал горб. Она же ди-

ты! Юное, невинное создание, обречённое на столь невыносимые муки, которые мне, наверняка, невозможно даже вообразить. И после этого мать говорит молиться Богу?! Тому Богу, что допускает для столь чистой, детской души такие страдания?! Или у матери есть какой-то свой? Не в пример мудрый и справедливый?!

— Здравствуй! Ты Лиза? — раздался пугающий, надрывно-сиплый голос.

— Здравствуй, да, — растерянно отозвалась я, стараясь не выдавать ни капли брезгливости и страха в голосе, но при этом говоря исключительно с предметами в палате, лишь бы только не смотреть на стоявшее напротив несчастное создание. Толку то... всё равно уже нельзя стереть из памяти увиденное.

— Рая, — приветливо потянулась ко мне самая пугающая рука на свете. Я быстро обхватила похожие на ветки пальцы, и, избегая их глазами, случайно взглянула да детское личико. Ах! Да она красавица! Не считая очков в толстой оправе и пары отсутствующих передних зубов — девчушка обладала безупречно правильными чертами лица, длинными, густыми ресницами и милейшей улыбкой. А её пышные, золотисто-русые волосы, струились по плечам крупными, блестящими локонами. Фарфоровая куколка с телом горбуна из Нотр-Дама¹⁰. Боже мой, какое горе! Какое ужасное горе! Вся

¹⁰ Горбун из Нотр-Дама — главный герой романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» — звонарь по имени Квазимодо.

надежда на врачей и раз девчужка здесь, наверняка, должны быть улучшения. Я верю! Не может быть, чтобы жизнь была такой жестокой к безвинному ребёнку.

— Ты очень красивая! — просипела Раечка, рассматривая моё лицо с не меньшим изумлением.

— Ты тоже, малышка. Очень, — едва сдерживая слёзы, отозвалась я, попросив Пользу достать из тумбочки плитку шоколада, переданную Володей, и каким-то чудом уцелевшую. — Держи гостинец.

— Ух, ты! — неловко подпрыгнула Рая, радостно хлопнув в ладоши и взяв угощение. Поношенное платье и порванные тапочки красноречиво указывали, что семья бедна, и мой презент кажется девочке невероятным чудом. Удивительно, как много у нас общего. Особенно теперь. Фарфоровая куколка опустилась на мою кровать, а Польза любезно принесла нам горячего чая. Мы долго разговаривали о жизни вне этих стен. Рая вспоминала своих тряпичных кукол, отдалённо напоминая Веру. Потом рассказывала, что делает самые разные вещи из бумаги, пластилина и всего, что есть под рукой. Цветы, картины, игрушки. А когда к нам заглянула заждавшаяся дочку мама Таня, оказалось, что Рая заняла первое место на детском конкурсе поделок. Удивительно! Каких высот она могла бы добиться, будучи здоровой!!! А каких высот добилась, будучи таковой, я? Стыдно вспоминать. Ближе к ужину мы с Таней и Раечкой попрощались. Гости ушли на отдых — в свою палату, а я с робкой надеж-

дой в голосе тотчас же спросила Полину:

— Но она ведь поправится, да?

— Я ещё не встречалась с подобными случаями. Поражена так называемая соединительная ткань и мышцы. Ей надо много двигаться, чтобы не было атрофии, но при этом нужен покой, чтобы не давать нагрузку на искривлённый позвоночник, — с болью в глазах и растерянностью в голосе отозвалась Польза, взволнованно перебирая пальцами моё одеяло.

— Она лежит на деревянном щите, как и ты, и по пять часов в день носит корсет. Градус искривления очень большой — 45. 4 степень. Последняя. Спина болит нестерпимо.

— Как же Таня до такого довела-то?! Куда смотрела?! — возмутилась я, не понимая, как такая на первый взгляд вполне ответственная мать, могла так халатно относиться к здоровью дочери.

— Длинные ручки, ножки, пальчики от рождения были. В генах нарушение какое-то. Но развивалась малышка сначала наравне со сверстниками. А потом от Тани муж ушёл. А у неё ведь, кроме Раечки, ещё четверо. Вот на мать всех и оставила, а сама летом — в колхоз, зимой — в котельную. Да и ещё с полдюжины шабашек разных, то там, то сям. А что, кушать-то хочется и уголь с дровами нужны. А как спохватилась — так девочка уже плечико поджимать стала и прихрамывать. Но детский позвоночник очень податлив. Паратройка лет лечения и выправиться. Вот только Танюше без помощи никак. Вот уже и с бывшими сокурсниками, да

с ребятами из своей школы договорилась — подсобят, чем могут. Вещей соберут, денегат, кормёжки. А Фёдор Игнатьевич на лето направление в санаторий выпишет — в Крым. Ванны из тёплого песка и солёной воды, говорят, чудеса творят! А до лета будем тут воевать. Вот недельки через две аппарат новый получить должны...

— А, мне утром Львовна что-то говорила. Мол лечит любую хворь!

— Ага. Главный очень уж его ждёт. Так что, и Раечку подлечим и тебя поднимем!

— Да, а то всего два месяца и экзамены. Эх... как же я всё запустила. Как бы на второй год не оставили.

— Не оставят! Что нелюди что ли? Знают же, что болеешь, — поддерживала Польза. — Слушай, извини, конечно, если не в своё дело лезу, но что в том письме хоть было? Алином. Что пришлось укол тебе ставить.

Я криво усмехнулась, в очередной раз осознавая, какой всё было блажью, но при этом ощущая довольство от того, что Польза сама затронула эту тему.

— Ну, если не секрет.

— Не секрет! — бойко отозвалась я, вытянув листок изпод деревяшки и протянув его Полине.

— Ой, а можно? Неудобно ведь как-то.

— Неудобно спать на потолке или на деревянном матрасе.

Остальное ерунда.

Польза быстро прочла послание и с умильным вос-

торгом и волнением принялась восклицать:

— Ух ты! С неё там всю портреты пишут, а она тут ревёт белугой!

— Да дура, знаю! Только морфин опять из-за чепухи укололи...

— А вообще, болезнь твоя — на вшивость проверка.

— Это как?

— Ну, узнать, не гнида ли часом твоя подружка или мальчик этот.

— Да ты что, Польшка! Чего несёшь то?! — злобно буркнула я.

— Ну, раз серьёзно у него к тебе — так будет ждать пока на ноги встанешь, а если нет — значит, зелёный ещё или нутро поганое. И она — коль подруга настоящая — так поймёт и отпустит, а коль нет — поперёк станет. А ежели к ней он переметнётся — значит хуже братца своего раз в триста.

— А если я хочу, чтоб переметнулся?! Если лучше так ему будет? — с комом в горле произносила я, пряча Алино письмо обратно.

— А это, Лизок, он сам решить должен. А ты опосля кумекать будешь. Наше дело маленькое. Или да или нет. Я вот Сашке с параллельного курса в своё время не сказала. Так и не зря! Карманником оказался. По осени в автобусе с полничным попался. А вот Лёня у меня честный и мухи не обидит! Перед Первомаем отпуск буду брать — свадьбу играть думаем!

— Здорово! Только вот я думаю, что кому «да», того самой выбирать надо.

— На те же грабли значит?

— Так я ж не про себя. А так... в общем, — растерянно отозвалась я, но отчего-то испытывая болезненную неловкость. Может Поля права и не стоит гоняться за тем, что недоступно? Но неужели правильнее брать то, что плохо лежит? Вот только к чему мне — той, что вот уже второй месяц лежит особенно хорошо и надёжно, вообще думать о подобном? Сделаю, как задумала. — В общем, помощь мне твоя нужна, Полечка.

— С письмами всё — Игнатъич запретил! И так тогда по глупости брякнула, что письмо подружкино вручила. Рассудили, мол, расстройство у тебя нервное и что обида тебя гложет на друзей, потому как здоровы, да живут как прежде.

— И решили меня совсем затворницей сделать! — сквозь зубы процедила я. — Разве правильно? Или у вас тут тюрьма?!

— Говори, что писать. Только коротко. Много не запомню, да и заприметят, коль простынь катать засяду.

Я рассказала Пользе историю о Володином письме и попросила, чтобы она написала о нём Але. Вряд ли Боброва потребует подтвердить его наличие — ясно же, что не стану просить о таком мать. И сама подружка наверняка не станет просить кого-нибудь его раздобыть. Она ведь не матёрая шпионка. Как противно и совестно теперь всё вспоминать.

Теперь главное — правильно донести до подруги, что совершенно не намерена переходить ей дорогу. А потом, когда я отсюда выйду, всё наверняка уже забудется и Алевтина будет с Володей. И ещё, как и планировалось, я попросила Полю передать Гессу мою твёрдую просьбу: больше сюда не приходить, вот только передавать эти слова она наотрез отказалась. Как баран упёрлась и всё тут! Дескать, как разрешат посещения — так сама и отшивай. Письмо было передано Бобровой только спустя дней пять, потому, что подружка не приходила сюда, даже несмотря на каникулы. Н-да, серьёзно же она обиделась за тот рисунок в стенгазете. Ничего, надеюсь, моё письмо поставит в нашей непонятной истории точку.

Миновали первые несколько дней апреля. Завтра планировался мой переезд в новую палату. В остальном же всё было ровным счётом по-прежнему.

После обеда у двери раздались знакомые шаркающие шаги, а потом три робких и едва слышных стука.

— Заходи, Раечка! — радушно прокричала я, безошибочно зная, что это она, давно условившаяся со мной о троекратном постукивании. Хотя оно, признаться, было совершенно не нужным. Во-первых, девочку всегда выдавал характерный шум шагов, а во-вторых, зайти ко мне можно было безо всяких церемоний и почти в любое время, за исклю-

чением утренних водных процедур.

— Доброго дня, Лизочка! — радостно поприветствовала меня девчушка, ручки и ножки которой слегка подрагивали. Бедняжке тяжело преодолеть и половину коридора. Даже не представляю, как она будет навещать меня в другом крыле.

— Доброе утро, крошка! Садись, — тут же кивнула я на кушетку.

Раечка робко затопталась на месте, с озорной улыбкой пряча что-то за спиной.

— И чего это мы там прячем? — подмигнула я.

Девочка с отчаянным усилием медленно подошла ко мне и робко достала из-за спины три удивительно милых и аккуратных, бумажных тюльпана в самодельной вазе из жестяной банки:

— Это тебе, самая красивая девочка в больнице!

Ощувив резкое, но вполне знакомое покалывание в носу, я с трудом сумела удержать подступающие слёзы. Сколько же талантов волей судьбы оказываются загублены! Я осторожно взяла самый трогательный и щемящий душу подарок в своей жизни и, насилу дотянувшись до тумбы, поставила туда Раечкину поделку.

— Загляденье! Спасибо, моя девочка! — слегка сорвался мой голос, но тут же, попытавшись изобразить воодушевление, я воскликнула: — Садись скорее сюда! Расскажи мне что-нибудь новенькое!

Девочка с трудом пристроилась на краешек кушетки. В

каждом её повороте и наклоне ощущалась боль, что буквально физически передавалась от искривлённой и оцепеневшей спинки к, задубевшей от лежания, но вполне себе ровной, моей. А из каждого Раечкиного жеста и взгляда сквозило робостью. Совсем не той, что свойственна обычным детям, но особой, до боли режущей сердце. Казалось, она уже давно осознавала свою никчёмность в глазах остальных и оттого боялась помешать, невольно взволновать, побеспокоить или задеть кого-то хоть самую малость. Словом ли или делом. Она всеми силами пыталась быть невидимкой, наверняка понимая, что это совершенно невозможно. И только красота, красота её детской, невинной души неуёмно и отчаянно рвалась наружу, превращаясь в эти, будто бы живые, тюльпаны и безмерно ласковые и тёплые слова. Рая рассказывала мне про процедуры, врачей и про маму, которую безумно любила. Так странно осознавать то, что здоровые дети не могут любить и вполнину той силы, с которой любит она. Я отказываюсь верить, что ей не станет лучше, что лечение окажется бесполезным. Я лично буду умолять о её выздоровлении и Фёдора Игнатьевича, и Пользу, и Галочку с Олечкой и даже Зинаиду Львовну!

Вскоре в палату заглянула мама Таня.

— Здравствуй, Лиза! Поля сказала, завтра тебя переводят в правое крыло?

— Здравствуйте! Ага, — сокрушённо вздохнула я.

— Да... Далековато. Правда Раечка? — бережно провела

она ладонью по золотой головке дочурки. — Ну, ничего. Есть же мамочка. Правда? С пересадками доберёмся. А сейчас, пока-пока Лиза, Раюсе пора на массаж. Поехали?

— Поехали, мамочка, — тепло улыбнулась девчушка протягивая руки к маминой шее. Весьма хрупкая и невероятно усталая женщина взяла дочь на руки и тяжело зашагала к выходу из палаты. — До встречи, Лизочка!

— До завтра, крошка!

Едва дверь захлопнулась, как я безотчётно зарыдала, сжав одеяло зубами.

Прошёл тихий час. Вот-вот придут мама и Вера. Интересно, исправила ли сестрица свою первую четвёрку?! Переживала так, как я не переживаю из-за неуды. А что мама, нашла ли новую ученицу или ученика, вместо Фрида? После случившегося Любовь Павловна отказалась от их занятий. Толи оттого, что было стыдно за поведение сына, толи потому, что мама и раньше не особо-то её устраивала. Ни как педагог, ни как человек. Сомневаюсь, что вообще существует хоть кто-нибудь, кто её устраивает. Разве что любимый младшенький сыночек.

Дверь проскрипела и в палату вошла Польза.

— Ну, что, собираешься?! Завтра с утра переезд. Ольчик, в случае чего, на стрёме. Галюнчик на подхвате.

— Голому одеться — только подпоясаться. Как думаешь, там разрешат полусидячую позу?

— Возможно. Разговора о тебе не слышала, — пожала

плечами Полина, усаживаясь на кушетку и улыбаясь кивая на цветы: — Мне тоже подарила. Неделю мастерила. По цветку в день. Иногда устаёт даже кушать. После завтрака так разоспалась, что к обеду еле проклюнулась.

Пожалуй впервые я не завидовала рассказу о том, что кто-то крепко спит. Ведь это вовсе не сон в привычном его понимании. Это похожее на оглушённое бессилие. Как у рыбы, замершей без воды и дышащей едким воздухом. Она ещё не мертва, но уже ничуть не колотится, в схватке со смертью, а будто бы ждёт, когда окончательно высохнут жабры. Но стоит плеснуть хоть немножечко воды, как воля к жизни возвращается и ловким взмахом хвоста рыбёшка ещё может возвратиться в родную стихию. Где найти живую воду для этой девочки? Скорее бы пришёл тот чудо агрегат.

— Я тут тебе бандероль приволокла. От подружки, — чуть приподняла в руках газетный свёрток Польза.

— И молчишь?! А я-то сразу и не заметила. А чего в бандероли то?

Польза пожалала плечами и положила мне на грудь свёрток:

— Да чай тетрадка какая-то. Никак жалобную книгу передала про разлучницу Лизавету. Потом расскажешь, если хочешь. Только давай в этот раз без припадков, хорошо? А то прознают, что опять почту лихую разношу — выговор влепят.

— Обещаю, — твёрдо отозвалась я, с нетерпением открыв свёрток и увидев тетрадку с какими-то задачками по алгебре

и сложенный пополам тетрадный листок, исписанный с одной стороны, да и то лишь наполовину.

— Гляди! Вечером зайду проведать.

— погоди! — воскликнула я. — Тут домашка по алгебре, похоже. Вот только на кой... А письмецо-то, совсем небольшое. Хочешь вслух прочту?

— Ну давай. Только быстро. А то мне Игнатичу с карточками помочь надо.

Я гукнула, уже успев уловить взглядом исполненные негодования строки:

«Здравствуй! Ну ты, конечно, нашла, что выдумать! Зачем бы ему ахинею писать всякую? Глаз ведь с тебя не сводил, на велике катал, да до дома провозжал. Думала не знаю? И как у Полянской на веранде миловались, пока трупом лежала. А может брат тогда и не всё увидеть-то успел. А теперь вот врешь, чтоб я надеяться продолжала?! Не понятно на что. Можешь не трудиться. Свахи из тебя не вышло. А я после стенгазеты той поплакала-поплакала, да и отболело. Теперь вот с Шумилиным гуляю. На каникулах в кинотеатре были. «Детей Капитана Гранта» смотрели. Очумительно! А на неделе в лес пойдём — к Сазанке. За подснежниками. Говорят, уже расцветают помаленьку. Так что выздоравливай скорее! Володя тебя ждёт. Будем четвером гулять!»

P.S.1 Если что, не обижаюсь нисколючко. Сердцу не прикажешь. А Мишка-то, оказывается, очень даже ничего! Зря только нос воротила.

P.S.2 А спор ты, между прочим, продула! Но обещанные решения всё равно твои! Так что не подведи!
06.04.1937 г.»

— Ну вот! Подружка проверку прошла! Поздравляю! — ободрительно резюмировала Польза. — Вот только начало злое такое. Ненависть прям из каждой строки хлещет.

— Ещё бы! Она после тех рождественских прятков еле в сознание пришла, а мы сидели — за руки держались. Вот тогда-то я и поняла, что и сама к нему дышу не ровно. И всё-таки здорово, что она теперь с Мишкой! Давно надо было! С первого класса ведь за косички дёргал. Жаль, Андрюшке со мной не свезло. Всё лунки за меня бил, да портфель таскал, а я...

— Так а с Володей теперь что?

— Что-что? В нём вообще не сомневаюсь: проверку пройдёт без единой гниды! Осталось только мне подлечиться.

— Вылечишься! Игнатьич с утра в Москву звонил — прибор наш вчера отправили. Так что скоро заживём! — во весь рот улыбнулась Польза. — Как же я всё-таки за тебя рада! Всё, убегаю, пока нагоняй не схлопотала. Вечером заскочу проведать!

— Удачи, Полечка. Буду ждать!

Я снова ухватила письмо. С улыбкой перечитывая строки об Але и Мишке и представляя нас вчетвером на прогулке. Но это не раньше итоговой аттестации. А решение задачек, похоже, будет лучше выучить наизусть. Но времени на это ещё достаточно.

Глава 4 — Смятые тюльпаны

Добрая половина апреля пролетела относительно незаметно. Оно и понятно: в новой палате я была уже не одна, и на кушетке больше не лежал деревянный щит, а ещё мне, наконец, разрешили хотя бы иногда приподниматься, опираясь поясницей на подушку. Правда, время пребывания в подобной позе было весьма ограниченным. А вчера, к моему несказанному восторгу, наконец дали добро на посещения! Даже не верится, что снова появится связь с внешним миром. Вернее с кем-то, кроме родителей да медработников.

С утра Польза особенно старательно помогала мне приводить себя в порядок: мыла тело и уже отросшие до края лица волосы. Потом притащила зеркало и подсобила причесаться. В общем-то, я уже вполне могла делать всё сама, просто Поле, как будто бы, хотелось подготовить меня к заветной встрече с друзьями. Как же она напоминает в этом Шурочку, которая к слову, обещалась приехать в гости на Первомай. Вот бы их познакомить. Они ведь ещё и будущие коллеги!

Полина помогла мне надеть принесённое мамой платье, что за время моего лечения перешли из её местами износившегося василькового костюма, и одолжила свой белый шейный платок.

— Красавица! — довольно отметила подруга и тихо шепнула на ушко: — Володя точно рухнет в обморок.

— Не надо, — шёпотом отозвалась я в ответ. — Одной рухнувшей уже достаточно.

Радостная Поля ускакала к Раечке, которая, благодаря интенсивному лечению, стала гораздо меньше жаловаться на боли в спинке и начала увереннее и быстрее двигаться. Я же принялась отвечать на вопросы двух пожилых соседок о том, кого из друзей ожидаю, а потом принимать от старушек поздравления со столь долгожданной встречей.

Дружная компания ввалилась в палату сразу после тихого часа. Было воскресенье, а потому все явились полным составом. Я едва сдерживала слёзы счастья, глядя на улыбки товарищей, и хватая связку разлетающихся по сторонам цветных, воздушных шариков. Перебивая друг друга, ребята выражали радость встречи, шутили: дескать, полежала и хватит, и говорили, что к лету я просто обязана гонять с ними в вышибалы и лапту. Или, как выразилась Аля, ловить её мелких пострелов — братика и сестричку. А ещё рыбачить — о чём не преминули напомнить Андрей и Мишка. Некоторые, в особенности девочки, норовили пообниматься, но я сразу предупредила, что с этим делом ещё надо быть крайне осторожными — врачи берегут мою спину как зеницу ока. Володя, всё это время стоявший чуть поодаль, молчал, но его изумрудные глаза, искрившиеся трогательным восторгом, выражали, пожалуй, даже больше счастья, чем было высказано во множестве нетерпеливых, восторженных слов. Дождавшись пока толпа друзей угомонится, он подошёл к кушет-

ке и, продолжая безмолвствовать, с улыбкой протянул мне букет тюльпанов и, нагнувшись, быстро и едва уловимо коснулся щеки горячими губами.

— О-о-о! — раздались в палате исполненные удивления и смеха возгласы.

А мы с Вальди лишь смотрели друг на друга как на самое милое, что есть на свете. Теперь я вижу: он ни капельки не трус! Иначе не был бы так открыт в поступках и чувствах, как сейчас. В текущей обстановке и моём положении.

— Где же ты тюльпаны-то раздобыл? — спросила у Володи одна из моих соседок — баба Тоня. — Неужто в степи уже зацвели?

Вова кивнул. А мой взгляд упал на его тяжёлые от грязи ботинки и испачканные края брючин. Значит на Дуксе ездил — не побоялся ни грязи, ни распутицы. И места, видно, знает заветные. Мы с ребятами сколько раз ходили в сторону Терновки или Приволжского — ни разу не находили. А какие красивые и яркие эти цветы! Как их много! Малиновые, красные с жёлтым, жёлтые¹¹!

— Ну а что, весна-то нынче ранняя, — подметила вторая соседка баба Маша. — Ветры-суховеи нам тепло пригнали. С Казахстана. А Волга лёд уж почти две недели как взломала.

Ребята ещё долго рассказывали о том, что нового во дворе

¹¹ Тюльпан Шренка (лат. *Tulipa schrenkii*) — дикорастущий вид тюльпанов, в 1988 году занесённый в Красную книгу России. Он считается одним из родоначальников первых культурных сортов и отличается невероятным разнообразием окраски: от чисто-белого и жёлтого до ярко-красного и бордового.

и в школе, а мы с Володей то и дело сталкивались глазами, нелепо улыбаясь. Как же непростительно долго я его не замечала. Но теперь всё будет совсем иначе! И пускай очутиться в моём положении — то ещё удовольствие, но если это был единственный способ забыть пустое и разглядеть истинное, я согласна через это пройти.

Когда все разбрелись, стало так непривычно тихо, что я тотчас же спустилась с небес на землю, вспомнив где нахожусь. Боже мой, сколько ещё мне торчать в этих стенах?! Я хочу насладиться этой весной, вдохнуть свободу и счастье полной грудью. Судорожно согнув упрямые ноги в коленях, я насупилась и сползла вниз, приняв ненавистное горизонтальное положение — ведь итак пребывала в полусидячем непозволительно долго.

— Ну расскажи-ка, Лизавета, что за мальчик с тюльпанами? — внезапно спросила баба Тоня, по обыкновению поглаживая опухшие ноги.

— Друг, — заволновавшись отозвалась я. Поди, начнёт читать ликбез за поцелуй в щёчку и наши гляделки. А там и баб Маша подключится.

— Хороший мальчик, — неожиданно резюмировала она.

— Очень! — вторила ей баба Маша.

С улыбкой, вдохнув лёгкий аромат нежных, весенних цветов, лежащих у изголовья, я уверенно и немного гордо отозвалась: «Других не держим!». В голове тотчас зазвучала нежная и словно хрустальная мелодия, похожая на перезвон

апрельской капели или робкий, серебристый колокольчик, а может позвякивание драгоценных бусин в доме Нины Захаровны. Удивительная красота!

— Пойду, вазочку у девчат попрошу. С водичкой, — прокрипела хромавшая на одну ногу баба Маша и, проворно ухватив костыль, поковыляла к двери.

— Хорошие товарищи у тебя, деточка. Весёлые, верные! Береги их! С такими не пропадёшь. Ты только поправляйся, а дальше всё боженька управит.

И эта туда же. Всё им боженька.

— Обязательно! — довольно отозвалась я, думая, сколько же вокруг хороших людей, и, радуясь яркому свету солнца из окошка, с блаженством щурила веки.

Вечером Польза выслушав мой, а скорее даже быбы Тонин, рассказ о визите товарищей, порадовалась за меня и довольно сообщила, что с завтрашнего дня отправляется в двухнедельный отпуск. Сперва поедет к родным — в Куйбышев¹². Оттуда вместе с ними сюда — на их с Лёней свадьбу. Мы дружно растерялись и расстроились от неожиданной новости, но тут же принялись поздравлять нашу любимую помощницу.

— И когда ж расписываетесь? — тотчас приступила к расспросам баба Тоня.

— 1 Мая. В аккурат после парада.

¹² Куйбышев — до 1935 г. и с 1991 г. — город Самара — центр Поволжского экономического района и Самарской области.

А ведь она говорила за свадьбу на Первомай и за отпуск. Вот садовая голова! Всё позабывала! Надо было ей хоть подарок какой припасти. Ну, ладно. Может, придумаю чего, пока вернётся.

— Ну, молодцы, повезло твоему Лёне — такую жену отхватил. Добрая, уважительная, внимательная...

Дверь резко распахнулась, и в палату вошёл приятной наружности молодой, темноволосый мужчина.

— Ещё как повезло! — с такой же широкой улыбкой, как у Пользы, отозвался он и все дружно рассмеялись.

— Живите дружно! Счастья, здоровья и хорошего отдыха! — пожелали молодым мы, и Полина с Лёней, держась за руки и весело смеясь, скрылись за дверью палаты.

Спала я той ночью впервые за долгое время просто замечательно. К чему морфин, когда на свете есть счастье?!

Первый день Полиной смены без Поли показался необычно длинным и серым, будто бы наше солнышко куда-то спряталось. Коллектив медиков словно погрузился в унылую спячку, несмотря на приближавшийся май. Даже Фёдор Игнатьевич стал каким-то особенно хмурым и словно озадаченным. Как выяснилось чуть позже — дело было вовсе не в Полине. Само собой. Просто мне так казалось, потому как очень уж не хватало больничной подружки. Причина особой мрачности главврача состояла в поступившем утром

пренеприятнейшем звонке из Москвы. Игнатъичу сообщили о том, что чудо аппарат, ожидаемый дружно всей больницей, был повреждён в процессе транспортировки. И теперь руководством Наркомздрава принимается решение о ремонте или об отправке нового. Н-да, уж! Даже я, пребывая здесь без малого два месяца, уже вдоволь наслушалась историй о всяких проволочках в поставках, связанных то с бюрократией, то с чьей-нибудь халатностью, то с неудачным стечением обстоятельств. Похоже, ждать нам агрегат не иначе как до морковкиного заговенья¹³.

После тихого часа снова пришли товарищи и снова все скопом. Видимо, троица из 10 «Б» и парочка девятиклассников—учащихся второй смены, решили с чистой совестью прогулять. И поводов они нашли целых два: посещение больной подруги и Володин день рождения. 19 апреля. Надо запомнить! Было неловко, что ничего не знала, и до жути хотелось отпраздновать с ребятами — у Черных дома, но, увы... Поздравив именинника, я попросила ораву товарищей вести себя чуточку потише, дабы не беспокоить моих старушек-соседей. Слегка угомонившиеся ребята, вручили мне новую карточку, сделанную Володей на прошлых выходных на набережной.

— Теперь у нас у всех такая есть! Спасибо Володьке, — довольно отчитался Ванька, похлопав по плечу фотографа.

¹³ До морковкиного заговения — неопределённо долго; до времени, которое никогда не наступит, до бесконечности.

— Ага! Все так здорово вышли! — отметила я, рассматривая снимок.

— Тебя не хватает, — хихикнула Аля, получившаяся на снимке непривычно взрослой и будто бы совсем не похожей на себя, и отчего-то стоящая в самом краю, далеко Мишки. Вечно она жмётся где-то в уголке. Наверняка Шумилину больше пришлось бы по вкусу соседство Бобровой, нежели Андрюшки и Сёмки, дружно скорчивших нелепые рожицы.

— Так и Володя за кадром, — двусмысленно хихикнула я, давая понять, что будь мы оба на снимке непременно стояли бы рядышком. Как же хочется сделать такое фото!

— Угу, — вздохнула подружка, принявшаяся вместе с Катей довольно рассказывать мне, о скатившейся на тройки Синициной.

— Ничего себе! — с нескрываемым злорадством воскликнула я. — И почём тройки?

— Физика, химия, алгебра. Помощничек-то любимый окончательно бросил, - перешла на шёпот подруга, пока ребята оживлёнными разговорами о железяках тоже вполне себе успешно заглушали наше шушуканье.

— Бывает, — с непривычным для самой себя равнодушием отозвалась я.

— Угу, — как-то странно прищурилась Аля, будто ожидая, что обрадуюсь. Я же лишь победно осознала, что от расставания скрипача и Синициной мне совершенно не холодно и не жарко. Даже не верится, то первая «любовь», нако-

нец, меня отпустила. Ещё бы нет... такой-то ценой.

Товарищи посидели ещё некоторое время и когда мальчишки закончили рассказывать мне о новых учебных винтовках, поступивших в тир, и о том, как «очумительно из них стрелять», все дружно разошлись. Володя сегодня снова был немногословен, незаметно от ребят всучив мне какую-то записочку, которую я принялась читать, едва захлопнулась дверь в палату:

«Либбет, ты ведь ничего не рассказала Але о той записке? Не торопись с выводами. При первой же возможности, я всё объясню. Мог бы, конечно, написать, но в прошлый раз вышло как-то не очень».

Хм. Опять он с этими записками! Все уже давно всё поняли. А Але так вообще уже нет до него дела. Правда и с Шумилиным у неё, как будто, всё как раньше. Наверное, просто не хотят привлекать внимание моих стареньких соседок. Я вложила третье, полученное в этих стенах, послание в тетрадку с задачками по алгебре, ставшую моим временным тайником. Вряд ли матери вздумается заглянуть в эту тарабарскую письменность.

Остаток дня прошёл, можно сказать, по накатанной. Не считая нескольких просто замечательных новостей! Сперва весьма воодушевило повышение активности правой ноги. Теперь она лишь самую малость отставала от левой. Затем,

мамуля с Верочкой принесли ещё целых три прекрасных известия. Во-первых, мама нашла аж двух новых учениц! Во-вторых, Вера после той четвёрки, не получила больше не одной. Ох, ей бы и май в том же духе продержаться. Не то зачахнет. А в третьих: отца сегодня повысили до заместителя начальника электростанции, с окладом в 380 рублей! Я тут же едва ли не подпрыгнула от счастья. Для нашей семьи сумма казалась просто неслыханной. В голове тотчас же стало представляться, как, наконец, безо всяких там подачек, вволю трескаю шоколадки и конфеты. И меняю чинёные обноски на вполне себе приличный гардероб. Может мне даже купят велосипед или пианино! Ну, разумеется, сперва надо выздороветь. Ноги бодро оторвались от кушетки, а потом я поочерёдно помахала маме и Вере ступнями — на прощание. А жизнь-то налаживается!

Под вечер я забеспокоилась о Раечке, не заходившей уже дня три. Подававшая ужин Оля сказала, что ей увеличили время процедур, чтобы не потерять достигнутый результат до получения того самого, злополучного агрегата, который должен закрепить и усилить эффект от лечения. Прекрасно. Было бы! Если б треклятые бюрократы из Наркомздрава после обеда не отчитались бы Игнатьичу, что намерены отправить прибор на ремонт. Ну идиоты, ей богу! Столько людей ждут! А тут — привезти назад, отправить на экспертизу, заказать зап. части, починить, проверить, согласовать повторную отправку... Да это же немислимо! В чём проблема

выделить новый, а починкой неисправного заняться позже?! Им просто нет ни до кого дела! Сидят там в своей Москве с умным видом и протирают штаны. А здесь — на отшибе погибает тьма народу, когда можно было бы давным-давно всё наладить и решить!

С самого утра на меня будто бы все ополчились. Может из-за вчерашних яростных возмущений относительно проделок московских чинуш? Вряд ли. Тут ведь все возмущались. А баб Тоня и баб Маша так пуще остальных. Может с кем-то не поздоровалась? Да нет! Ору же всегда во всю Ивановскую. Дорогу никому не переходила, ибо ходить, пока ещё, не умею. Хм. Притом забастовали прямо дружно. Может, потому как спала ещё дольше, чем вчера. Так разве это плохо?! Или проспала что-то важное? Интересно что? Утреннюю разминку бабы Маши или переодевания бабы Тони? В общем, не понятно. Все смотрели искоса. Галя будто бы намеренно норовила толкнуть при любом удобном случае и чуть ли не швыряла мне на тумбу миски и тарелки с едой, небрежно задевая две вазы с тюльпанами. Бабулечки разговаривали сквозь зубы и даже глядеть на меня не хотели. Физиотерапевт на массаже колотил, будто боксёрскую грушу. А Фёдор Игнатьевич, придя на обход, и вовсе проигнорировал, как будто внезапно стала прозрачной. Раечка с мамой снова не заходили, а когда прибыли родители и Вера, всё прене-

брежение ко мне распространилось и на них.

Так продолжалось ещё два дня и, в довершении всего, никто из нашей компании больше ни разу здесь не появился. Единственное резонное объяснение такого игнорирования, которое смог найти мой разум — это поганый язык Зинаиды Львовны. Вернее очередная школьная сплетня, разнесённая этим самым, поганым языком. Видно, Настька с превеликим удовольствием делится подобными наветами с мамашей, а та в свою очередь со всей больницей. Ну, с автором понятно. Больше некому. Остаётся только выяснить, что именно выдумал негодяй-Фрид на этот раз.

Сменившая Галю Оля слегка отставала от общих настроений и оттого была чуть деликатнее и стоворчивее напарницы. Улучив момент, когда медсестра вывезла меня из кабинета ЛФК и массажа, я спросила её: «Что случилось?». Но Ольга лишь нарочито громко прокашлялась и молча продолжила везти каталку.

— Ответь! Один раз тут уже чепухи натрепали. Или забыла? Потом ведь выяснилось, как было! А на суде подтвердилось. Под присягой! А что теперь? Очередная трепотня. Говори! Мне скрывать нечего! Разве что подкуривала, да сигареты у отца таскала. Так то разве повод бойкот устраивать? Если захочу — брошу на раз-два! Тут-то перебиваюсь как-то. Вот и друзья два раза приходили — табачком несло, а я ничего. Терпела. И дальше потерплю. Ну, хорош уже молчать! Оля...

— Говорят, ты с тем немцем, что на танцах отшил, ну это самое..., — медсестра смутилась и умолкла.

— Что?! Целовалась что ли? Нет! Ни разу! — не менее смущённо и гневно выдавала я, с каждой собственной репликой осознавая, что речь совершенно о другом. О том самом, что делают взрослые и от чего потом бывают дети. Но как?! Как он мог такое сказать?! Это же махровая брехня! Я даже не знаю, как это делают! Кроме того, что в темноте и, скорее всего, раздетыми. От каждой мысли становилось удушливо мерзко. Брезгливость и стыд охватывали каждый уголок сознания, а Оля лишь закончила фразу, подтвердив моё предположение:

— Сблудила!

— Но... как... мы... он, — заикалась и мямлила я, едва чувствуя язык во рту, пересохшем от напряжения.

— Чего мычишь? — начала раздражаться Ольга, очевидно полагая, что совершив подобное непотребство, вздумала ещё и отпираться. Остановив каталку посреди коридора, она громко и без оглядки принялась меня чихвостить: — Разве мать не учила, что честь до свадьбы беречь надобно?!

— Так... я... не... я

— Я не я и хата не моя?! Повезло, хоть не понесла — регулы приходят, — сурово и укоризненно гремел грудной голос Ольги. — А коль понесла бы — так или в девках рожать или вытравливать! А бабы как вытравят, так знаешь потом как мучаются?! Выносить не могут, да скидывают! А умира-

ет сколько?!

От боли и беспросветного страха я уже едва разбирала её слова. Подобную историю стыдно даже представить! А они в неё поверили! Вся больница! Все мои друзья! Вся школа! Боже мой! Как мне жить в этом городе?! Как выходить на улицу?! Но Фрид... Неужели он мог такое сказать?! Зачем?! Он ведь комсомолец! Неужели настолько увлёкся бахвальством, что наплевал на значок и репутацию?!

— Ну, чего молчишь?! Думала, не узнают?! Все так думают. Вот только шило в мешке не утаишь!

Я не смогла издать больше ни единого звука. Да и был ли в том смысл, если у них уже имелась своя правда. Вместо слов изо рта благополучно вырвался сегодняшний завтрак. Меня стошнило! Впервые в жизни стошнило от волнения. Вывернуло прямо на себя саму. Я едва ли не захлебнулась в собственной блевотине! Дрожащими руками утерев лицо, я надрывно заревела на весь коридор. Меня ждал четвёртый укол морфина.

Я проснулась около полудня от возни у своей кушетки и протёрла слипшиеся, опухшие веки. Голова была чумной и едва соображала. С трудом сфокусировавшись, я распознала силуэт матери, складывающей мои вещи в большую сумку и, стоящего поодаль, непривычно сурового отца. Н-да уж, хорошо же отвыкла от его вечно недовольной рожи.

— Мы тебя забираем! — резко процедил он.

Я хотела было воскликнуть от восторга, как во внезапно прояснившуюся башку, эхом ворвался вчерашний разговор с Ольгой. Меня забирают от позора! От косых взглядов и перешёптывания за спиной, от стыда и страха за то и перед тем, чего не было. В чём я ни на единый грамм не виновата.

— А лечение? — едва слышно осведомилась я, с ужасом ощущая онемение в ногах и их нежелание согнуться или приподняться.

— Фёдор Игнатьевич сказал, что можно продолжать лечение дома и дал адрес врача. Сегодня пойду договариваться, — враждебно бросил отец. В то время как я, лихорадочно ощупывая дубовые конечности, слышала лишь его тон и почти не вникала в слова. Заметившая мою оторопь мать, оторвалась от сборов и испуганно вскрикнула, пристально глядя на скрытые под одеялом ноги:

— Что?! Что такое?!

— Ноги! Мои ноги, — едва слышно всхлипывала я, судорожно колотя по оцепеневшим предательницам руками и снова ощущая подступающую тошноту. Рваться было нечем, и изо рта изверглась вязкая слизь, а из глаз градом хлынули слёзы. Ладони и спина вспотели и покрылись колючими мурашками. Кровь застыла в жилах.

— Нервы... Ей нельзя! Нельзя волноваться! Всё возвращается! Возвращается назад! — тотчас вскричала мать. Старушки-соседки сердобольно запричитали и заохали, а

отец принялся быстрыми рывками выворачивать содержимое тумбочки, швыряя в сумку предмет за предметом и цветы... Володины и Раечкины тюльпаны, вмиг растерявшие лепестки и измявшиеся. Исполненный решимости немедленно завершить эту агонию позора и как можно скорее вернуться домой, он захлопнул опустевшую в мгновение ока тумбу, и стремительно вышел в коридор. Через минуту в палату вошли двое крепких мужиков-санитаров и ввезли каталку. Отец вошёл следом и помог меня переместить. Всё было как в тумане. Вяло попрощавшись с соседками, я подняла взгляд к грязно-серому, расплывавшемуся потолку. Он казался зыбким, колеблющимся, как поверхность воды в ветреный день. Коридоры, двери, люди — всё колыхалось и меркло, растворяясь в пелене слёз, что текли нескончаемыми потоками, а я лишь всхлипывала, безотчётно толкая руками неживые ноги, пока чьи-то крепкие ладони мёртвой хваткой не сжали трясущиеся запястья.

— Уймись! А не уймёшься — не встанешь никогда! Никогда! Слышишь?! — с животной яростью прорычал отец. Будь бы я здорова, он, наверняка, бы меня уже прибил или уложил на эту самую каталку без помощи автобуса! Боже мой, Господи, я не хочу! Не хочу домой! Я не хочу оставаться здесь! Не хочу ехать по коридору, сопровождаемая любопытными взглядами! Не хочу выезжать на улицу! Я будто голая и даже на голове нет ни единого волоска, чтобы скрыть её от позора. Хочу раствориться. Исчезнуть! Сейчас же! Без следа!

Мы свернули в противоположное крыло, где лежала первые полтора месяца. Перед взором промелькнула дверь в бывшую палату. В голове пронеслись все былые наивные надежды: выздороветь за неделю, три, пять. Потом вспомнились первые результаты, казавшиеся совершенно пустяковыми, чем-то вроде капли в море. Но они были! Всё верно шло на улучшение! Час за часом. День за днём. А что теперь?! Я проклиная тебя Вилфрид Гесс! Проклинаю за весь вред, что ты мне причинил. За всё зло и боль. Пусть в аду твой гнилой язык сожрёт сам Цербер, а Дьявол лично зажарит твою плоть в раскалённом чугуне. Я издала протяжный, истеричный всхлип, но внезапно смолкла, уловив заплаканным взором корявую надпись 6/1 на двери в уголке у запасного входа. Бывшая кладовка. В укромном месте. Подальше от особо впечатлительных и любопытных.

— Это же палата Раечки! Пустите попрощаться! — ухватила я за руку мать, приподнимаясь и отчаянно ёрзая на каталке. — Рая! Раечка! Меня выписали!

— Девочка умерла. Прошлой ночью, — глухо произнёс один из санитаров.

Глава 5 — Холодная весна

Хлёсткий порыв промозглого, пронзительного ветра остро ужалил заплаканные щёки, а сиротливый солнечный луч болезненно пронзил мокрые глаза, размыто увидевшие пустынный внутренний двор больницы. На углу под покосившейся крышей стояла инвалидная коляска. Почти такую же я видела в старой, выцветшей и испачканной солидолом газете, лежавшей на отцовском верстаке. С фотоснимка взирал на читателя отсутствующим взглядом основатель страны Советов, революционер, вождь мирового пролетариата и один из умнейших людей истории — товарищ Ленин. Чуть размытые от масла строки повествовали о прогрессирующем недуге Ильича, завершившимся приступами безумия и полным параличом. Диагноз внезапно занемогшему не могли поставить ни отечественные, ни германские светила науки. Да и важно ли это, коль итог неотвратим? Коляска. Ещё совсем недавно это слово было глупой ошибкой на уроке географии, а теперь сей предмет станет моим единственным средством передвижения, без которого я — лишь ни к чему непригодный кусок плоти. Обрубок, ощущающий лишь половину тела и, похоже, заодно, и половину души, часть которой так и осталась в больничных стенах. В бесконечном лабиринте несмелых надежд, рухнувших одна за другой как карточные домики.

Санитары помогли переместить меня в новый, но уже изрядно изношенный предыдущим владельцем или владельцами транспорт, и мама встала позади, тяжело дыша и изредка всхлипывая. Должно быть странно снова везти своё дитя на коляске, особенно когда оно едва ли не с тебя ростом, а коляска отнюдь не та, на которой обычно возят детей. Жуткие, пронзительные скрипы её колёс походят на отчаянные стоны беспомощности. Серая хмарь небосклона нависала над головой подобно нескончаемому горю. Ветер выдувал из-под платка потускневшие пряди волос и срывал со щёк непокорные слёзы. Мало по малу солёные капли на лице стали сливаться с морсящими дождевыми. Холодные и колючие они били по коже, поминутно учащаясь. Казалось я тону. В страшных и горестных воспоминаниях, в удушливом бессилии и безотвязной боли. Тону, как тонет в лужах моё блёклое, размытое отражение. Голову разрывает шквал мыслей. В каждой из них бесконечное множество оттенков, но все они неизменно холодны и темны.

Сердце будто бы смертельно продрогло, промокло насквозь и едва способно биться. Хочется достать его, как только доберёмся домой, и положить сушиться на печь, пока мама будет выводить все тёмные и донельзя въедливые пятна из памяти, а отец прилаживать к телу починенные, резвые ноги. А потом я стану прежней и вместе с ребятами побегу по родным, раздольным улицам. Мы добежим до госпиталя и трижды постучим в палату 6/1, где будет ждать нас изле-

чившаяся Раечка. Мама Таня отпустит её с нами мерить лужи и беззаботно кружить под этим самым дождём, что будет казаться по-весеннему ласковым и тёплым. А когда вымокнем до нитки — разбежимся по домам. Я возьму книжку про удивительные странствия и приключения, ловко прыгну на полати¹⁴ через печь и тотчас усну, не прочитав и половины страницы. А завтра всё повториться снова. Боже мой, как же хочется, чтобы всё было так же просто!

Этот путь домой был мучительно бесконечен, как никогда прежде. По крайней мере, так казалось в тот момент.

Отец со скрипом отворил калитку и я зажмурилась. Слегка двигая ступнями, что снова едва выходило, я принялась представлять, будто ступаю по дорожке к дому вместе с Шурой, возвращаясь с танцев, и перемывая косточки негодяю Фриду. Сейчас мы переоденемся и ляжем спать. А во сне я увижу страшную историю про сине-зелёные стены и омертвевшие ноги. Такое ведь случается с ними едва ли не в каждом сновидении, особенно, когда нужно убежать от опасности, а они, как назло, забывают даже как ходить.

— Хватайся и поднимай! — резко раздался окрик отца, я вздрогнула, и веки тотчас раскрылись. Не каждый кошмар заканчивается с пробуждением и мне придётся досмотреть его до конца. Ведь выбор, в общем-то, невелик.

С трудом приладившись к коляске, родители преодолели

¹⁴ Полати — лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью; деревянные настилы (нары), сооружаемые под потолком.

крыльцо с мёртвым грузом в моём лице. Навстречу на веранду выскочила Вера, радостно восклицая, что я наконец-то вернулась. Подбрела шаркающими шагами Нина Захаровна, которую мать попросила пожить некоторое время у нас, дабы мы уже втроём присматривали друг за другом. Старенький, маленький и инвалид — не иначе богадельня¹⁵ какая-то. Едва родители поставили кресло, чтобы передохнуть, как старушка наклонилась и слабыми, чуть подрагивающими руками, обняла меня, не сдерживая слёз радости. Мои же слёзы отныне застынут в горле. Я должна преодолеть всё это, как преодолела последний порог, оказавшись в кухне. Пускай и не без посторонней помощи, но преодолела.

Пока мать снимала с меня верхнюю одежду, я озиралась по сторонам и, не смотря ни на что, всё же ощущала безопасность. Я дома! Я наконец дома! Здесь всё абсолютно по-прежнему: тот же запах дров, угля и горячих пирожков, которые напекли по случаю моего возвращения. В приоткрытой кладовке наши с отцом удочки и пешня, на стене в кухне сеть и фотокарточки бабушек и дедушек, скатерть с жёлтой бахромой на столе, стопка книг у печи. Я дочитала их все ещё до... Надо попросить Веру или мать отнести в библиотеку. А вот и самовар подоспел.

— Ну, чего стоите?! Давайте к столу. Всё готово, — непривычно робко проронила Полянская.

¹⁵ Богадельня — разговорное, ироничное — о месте, учреждении, где люди бездеятельны и неспособны к производительному труду.

Мать подвезла меня к тазу и помогла вымыть руки. Затем подала длинное, льняное полотенце, чтобы не запачкать платье. Мы сели обедать, и кухня погрузилась в непривычную, напряжённую тишину. Лишь едва слышно доносились непонятные каляканья Веры, да время от времени суетливо двигала посуду с едой Полянская. Трапеза завершилась и мать, всё также молча, стала убирать со стола. Отец безмолвно принялся ворошить дрова в печке. Наконец Нина Захаровна во второй раз прервала безмолвие, обратившись к матери:

— Лена, расскажи Лизоньке про врача.

— Так ещё же не договорились, — односложно и с холодком в голосе отозвалась мать, кивнув на отца.

— Так разве ж Иван Митрофанович откажет? Ты скажи, какой он умница!

— Нина Захаровна знает врача, что порекомендовал Фёдор Игнатьевич.

— Давно знаю. И очень хорошо, — подхватила Полянская. — На ноги не меньше десятка человек поставил. Они были в том же положении, что и ты, Лиза, даже хуже.

— Хуже? Это как? Полный паралич или уже мёртвые? — со скептическим сарказмом буркнул отец, поправив задвижку на печи.

— Петя, так нельзя! Все его пациенты были взрослыми или пожилыми. А у неё молодой организм — всё обязательно получится, — убеждённо продолжала Нина Захаровна. —

Лиза, не слушай никого, ты непременно выздоровеешь. Иван Митрофанович тебя вылечит.

— И от беспутства? Тоже вылечит?! А? — резко проорал отец.

— Верочка, ступай — проведай курочек. Сыпни зёрнышек из бочки, — шепнула сестрице мама, быстро накидывая на кроху тяжёлую шубейку с печки и провожая до двери.

— Пап, всё неправда! — решительно возразила я, но голос всё же дрогнул. Да, я всегда боялась его. Но теперь дело не столько в страхе, сколько в острой, глубокой обиде от их недоверия. Она пронзает душу тысячами шипов, заставляя гореть болезненным жаром. Почему они допустили мысль, что я на такое способна?! Отчего решили, что посмела бы так поступить?!

— Неправда, говоришь? — медленно приблизился он ко мне, пристально глядя в глаза так, что нутро задрожало, а взгляд невольно опустился.

— Неправда, — едва слышно повторила я, слыша шаги вернувшейся в кухню матери и оттого чувствуя некое, пусть и весьма слабое, облегчение. Ну почему эта горечь так просто смогла сломать мою волю?! Моё стремление к правде?

— Ну, гляди, потаскуха, ты эдакая, — резко и невыносимо больно ухватил отец за волосы, — если из-за тебя разжалуют...

— Пётр, остановись! — тотчас схватила его за руку мать, а Нина Захаровна принялась причитать, взывая к его разуму.

— Раньше надо было её, тварь такую, учить! А теперь поздно, мать твою. А всё ты! — он переключился на маму, перехватив её руку и с силой заломив назад. — Ты! Воспитала лярву малолетнюю!

Удерживая хрупкую руку заведённой за спину, отец толкал беззащитную мамочку в сторону печи, пока не прижал крохотное личико к горячей побелённой стенке. Мать протяжно завывала, извиваясь от жара и боли.

— Петя, отпусти её, молю! — едва внятно повторяла Полянская, пересохшим, сломленным от ужаса голосом и, хватаясь за стол, силилась подняться со скамьи, но отец держал мать, всё яростнее придавливая щекой к печи и сильнее выламывая побелевшую руку. На секунду показалось, что он готов сделать калекой и её.

— Да — лярва! — собравшись с духом, прокричала я, лишь догадываясь о значении слова и, сорвав с груди полотенце, с силой обвила его вокруг шеи. — А ты добей! Добей, чтоб не мучилась! Глядишь, и при должности оставят! Скажете, мол удавилась! Никто и сомневаться не будет! Могу даже записку написать!

— Лиза!!! — проголосила мать, давясь слезами. — Лизонька, побойся Бога!

Отец отставил её, и снова схватив меня за волосы, грозно прорычал, стиснув зубы:

— Только попробуй, гадина! Только попробуй! Твой крест — тебе и нести.

Он отпустил пряди и, брезгливо дёрнув рукой, стряхнул выдранный клочок. С ненавистью бросив несколько ругательств, отец выскочил во двор, громко хлопнув дверью.

— Как ты, Леночка? — едва слышно и встревоженно спросила Полянская, опираясь на стол и захлёбываясь воздухом в приступе нервной одышки.

— Цела, — всхлипнула мать, с силой растирая выкрученное плечо ладонью. Её правая щека была ярко-красной, но при этом чуть белёсой от извести, платок слетел, оставшись валяться на полу, а пучок с серебристой проседью небрежно растрепался. Эта проседь появилась будто бы в эти самые секунды. Господи, ну почему я приношу столько страданий?!

— Я с ним поговорю, Леночка! Непременно поговорю. Завтра же!

— Нет, не надо, прошу! Не вмешивайтесь! — отозвалась мать, вытирая слёзы и нагибаясь за платком. Она исхудала так, что от былых округлых бёдер осталась лишь тощие мослы. Моя бедная мамочка! Как же я могла ничего не замечать?! Как могла постоянно думать лишь о себе одной?

— Да как же не вмешиваться?! Да разве можно?!

— Можно! Вы уже достаточно помогли. Спасибо. Она этого не заслужила, — грозно прошипела мать, неожиданно ударив меня по щеке, но тут же всхлипнув от боли в выкрученном суставе. — Я знаю, ты была у Гессов. С Вилфридом. Наедине. И думаю ни раз! Ты с самого лета не давала парню прохода! Господи, какой стыд! О вас судачит полгорода! Про

твоё поведение не спрашивал только ленивый! Мне уже намекнули, что к сентябрю подыщут замену, а те новые ученицы сразу сбежали. А если понизят отца?! А выгонят? Моли Бога, чтоб он остался! На коленях моли, распутница!

— Вот только они не сгибаются! — истерически рассмеялась я, с вызовом глядя на мать.

Швырнув в меня мокрой кухонной тряпкой, пропахшей гарью и жиром, она удалилась следом за отцом. Я не смогла проронить больше ни слова, да и стоило сказать хоть одно единственное, как не сумела бы сдержать душащих слёз. Полянская продолжала двигаться вперёд, опираясь на стол, а затем на стену, пока наконец не подошла ко мне, уцепившись усохшими от старости и дрожащими пуще прежнего руками за подлокотники коляски. Я тотчас безотчётно схватила колёса, чтобы отъехать, но остановилась — Нине Захаровне нужна была опора. Я бессильно замотала головой. Не сейчас. Не нужно меня жалеть. Ещё немного и я нарушу данный самой себе зарок. Но она приблизилась и осторожно провела мягкой, горячей ладонью по взъерошенным волосам и горячие потоки тотчас хлынули по щекам. Данное себе обещание слишком быстро оказалось нарушено. Помолчав некоторое время, и снова собравшись с духом, Нина Захаровна сложила перед собой руки и с тихой добротой в голосе произнесла:

— Запомни: никогда не смей плакать из-за несправедливости и лжи. Пусть отвернётся хоть весь мир, но если на твоей стороне правда — не вешай носа и борись.

— На моей, — собравшись с силами, отозвалась я, а затем расправила плечи и смахнула слёзы.

— Тогда терпение. Однажды всё встанет на свои места.

— Как?!

— Есть у меня знакомая. Как всё чуть уляжется — свожу тебя к ней на осмотр. Тут недалеко. Всё будет хорошо, внученька. Я тебе верю.

— Бабушка, — я впервые назвала так Полянскую и уткнулась влажными щеками в её тёплые, сложенные на животе ладони. Она тотчас крепко обняла меня, глядя по голове и приговаривая:

— Тише, внученька, тише милая. Всё образуется, родная. Всё образуется.

— Зачем он так меня опозорил? Я же его любила, — всхлипывала я.

— Время расскажет правду.

С трудом уснув под утро и проспав от силы пару часов, я открыла глаза. В комнате было непривычно тихо. Вера теперь спит на полатах. Вместо её детской кроватки поставили топчан для Полянской. Но старушки нет. Поди, давно встала. По неизменной, чётко отработанной за два месяца, программе я попыталась поднять и согнуть ноги. Выходило так же как вчера — то есть почти никак. Страх нарастал, обозначаясь в горле привкусом металла, особенно чётко ощу-

щавшимся на голодный желудок, ведь после вчерашнего обеда желание ужинать напрочь отпало. Как можно бороться за правду, когда бесконечный ужас не отпускает почти ни на миг? Стоит ли вообще пытаться? Инвалидность и клеймо позора. Одно краше другого. Я раздавлена вопиющим обманом и растоптана неверием самых близких людей. Меня брезгливо смешивают с грязью и видят вместо дочери некое подобное весенней хляби. Будь выдумка скрипача правдой, я без отпирательств признала бы вину, приняла поношение и брезгливость, согласилась с любым наказанием. Но всё ложь! Гнусная и до тошноты отвратительная! Почему они не допускают и мысли, что я не виновна?! Фи, а чего ты хотела? Или у них мало причин тебе не доверять?! Отец быстро понял твою суть, когда не единожды не досчитывался сигарет в пачке или когда с ног сбивали голодные козы, да куры, которых ты якобы покормила. А мать?! Сколько раз она покрывала тебя, зная множество проделок, в том числе связанных с её бывшим учеником? Ты стала подобием мальчика из знаменитой басни¹⁶, что рассказывают о лжи в назидание детям.

— Довольно валяться! Время одиннадцатый час. Нужно привести себя в порядок, позавтракать и разобрать сумку, — процедила мать, войдя в спальню, где я, лёжа пластом, раз за разом предавалась назойливым и плюс-минус одинаковым

¹⁶ Мальчик кричал «Волк!», разыгрывая односельчан и зовя на помощь, а когда волк действительно напал — никто не пришёл. Одна из басен Эзопа, впервые пересказанная Львом Толстым и опубликованная в 1875 г. в «Первой русской книге для чтения» (Азбуке Л.Н. Толстого).

мыслям. — Да, да, чего смотришь? Сейчас помогу тебе подняться, а дальше сама! Ручками! Нас с отцом пока ещё не выгнали, так что привыкай!

Я понимала всё и без того. И они, и Полянская, и Вера могут лишь помогать в том, чего одной не сделать, но со всем остальным следует научиться справляться самой. Мама помогла перебраться с кровати на коляску, так же как делала это уже несколько раз, когда я звала её, чувствуя нужду. Теперь под моей постелью на постоянной основе прописался ночной горшок, и сделать дело было целым испытанием. Но надо сказать, сегодня подняться и управиться с нуждами вышло уже проще. Отчасти ещё и потому, что мать была чуть терпимее, чем вчера, но было заметно, что продолжает слегка морщиться от боли в плече и по-прежнему смотрит на меня, как на нечто весьма мерзкое. Завтракала я одна, а рядом сидели уже закончившие трапезничать Полянская и Вера. Мать тотчас демонстративно ушла, не желая находиться рядом ни единой лишней минуты. Отца было не слышно и не видно со вчерашнего обеда. Очевидно по той же причине, ну и, возможно, из-за угрызений совести за вчерашнее. Хотя он никогда не извинялся за подобное. Лишь иногда мог напиться или избегать нас и молчать по несколько дней.

Как хочется увидеться с Шурочкой — рассказать о больнице, о своей неожиданной выписке и её причине. Они с тёткой дней пять тому назад говорили маме, что, возможно, придут на Первомай. Только бы получилось! Узнав мою исто-

рию, сестрица будет в бешенстве и непременно разберётся со скрипачом. Она наверняка мне поверит, ведь знает, как всё было. Пожалуй, в этот раз я жду Александру как никогда.

Закончив трапезу я, поставила тарелку на колени и, твёрдо отнекиваясь от помощи, предложенной Полянской и Верой, с трудом развернувшись, подъехала к мойке. На разворот ушло добрых две минуты, сопровождаемых дребезжанием и надрывным свистом железок. Не так-то просто приновиться, а туго идущие колёса приходится крутить с таким нажимом, что тотчас устают руки. Бывшие владельцы сего транспорта перед продажей поменяли обода и шины и, видимо, механизмы ещё не до конца притёрлись. Интересно, что притрётся быстрее несколько железяк друг к другу или я к этому агрегату и новой реальности? Очевидно первое. Намывая посудину, я чувствовала себя ровесницей Веры, что едва достаёт до мойдодыра. Но эта внезапная карликовость отнюдь не самое страшное, ведь по степени беспомощности я всё равно в разы превосхожу сестрицу. Да, пожалуй, заодно и Полянскую.

— С утра у нас с твоим папкой был серьёзный разговор, милая, — завела беседу Нина Захаровна, едва Верка успела смотаться во двор. — Мы друг друга не очень-то поняли, но, думаю, справка от врача сможет это изменить. Я дошла до конца улицы, к Авдотье Семёновне — той самой акушерке. Она в деревне — у матери. Вернётся в среду. Утром. Вот тогда к ней и наведаемся.

— Как это будет? — неловко спросила я, подозревая, что придётся избавиться от исподнего.

Полянская терпеливо объяснила мне подробности, а я брезгливо поморщилась и опустила глаза, уставившись в стол. Неужели всё, что может доказать мою непорочность — это унижительный осмотр по итогу которого врачаха выпишет какую-то сраную справку?!

— И что дальше? — скептически прошипела я. — Не иначе как тыкать этой бумажкой каждому в лицо?

— Внученька, нужно время. Наберись терпения и всё обрзается.

— Если бы этот чёртов сплетник меньше распускал бы своё поганое помело ничего бы не было! Ничего, мать его! Ничего! — гневно заорала я, с ненавистью и силой крутя руками колёса коляски и направляясь в спальню.

— Лиза, стой, порог! — едва успела вскрикнуть Полянская, как я, перескочив небольшой выступ, чуть не соскользнула с сиденья и не встретила мордой с полом, на силу успев, сжать руками подлокотники. Н-да, показывать характер будучи инвалидкой не в пример сложнее. Похоже, терпение это самое главное, чему я буду вынуждена, наконец-таки, выучиться. Не даром же говорят: Бог терпел и нам велел.

Мать предусмотрительно оставила больничную сумку на письменном столе, дабы я не нагибалась, рискуя повторить трюк с порогом. Открыв недра потрёпанного саквояжа, при-

надлежавшего ещё покойной бабушке, я будто бы снова очутилась в сине-зелёных стенах. Больничный дух пропитал каждую вещь, и я складывала всё в отдельную стопку. Надо будет перестирать. С этим-то справлюсь. За исключением приноса и выноса воды. Всюду какая-то засада. Казалось бы, сущий пустяк, но опять нужна посторонняя помощь. Фрид был прав, сказав однажды, что я не люблю просить. Но теперь, благодаря ему, я вынуждена делать это раз за разом, забывая о былой самостоятельности. Ненавижу этого поганого лгуна! Всё, о чём бы ни подумала, приводит к скрипачу и его отвратительной клевете. Он повеселился сполна! Добился своей цели! Отомстил основательно и по всем направлениям. Из-за него от меня отвернулись родители, в гости не заглянул никто из соседей, не пришёл ни один из товарищей! Даже Алечка и Вальди, чьи записки я с отчаянием принялась перечитывать, не веря, что теперь и подружка, и воздыхатель в одночасье от меня отвернуться. Неужели и они поверили в эту чудовищную ложь?! Выходит — так.

Хотя Володе путь сюда конечно заказан, но, зная его горячность, я весьма сомневаюсь, что причина в каких-либо предрассудках и страхах. Если бы он захотел — непременно нашёл бы способ узнать, как я. В конце концов, передал бы очередные письма. Но нет. Ничего. Он также, как и все, принял обман брата за чистую монету. Не удивлюсь, если и услышал его из первых уст! Теперь у Вальдемара появилась ещё одна причина меня забыть. И, пожалуй, эта сплетня сде-

лает его будущую жизнь проще и лучше. Скоро выпускной, каникулы и долгожданное поступление в лётную школу. Его ждут новые знакомства и товарищи, интересные предметы и увлечения. А я... что я?! Но всё же, я благодарна за те минуты счастья, что испытала, когда он приходил ко мне с ребятами. Когда дарил мне первый букет цветов и смотрел с такой восторженной нежностью, что сердце выпрыгивало из груди от радости. Он всегда был так внимателен и добр ко мне, в отличие от Фрида, что в одночасье искалечил и меня, и мою жизнь и совершенно лишил надежды на хоть сколько-нибудь благополучное будущее. Я на какое-то время снова потеряла связь с реальностью, думая поочерёдно о каждом из братьев, тщетно пытаюсь понять причины их поведения.

В мыслях зазвучала необычайно странная мелодия, не похожая ни на одну приходившую в голову ранее. Суровая и гнетущая, она одновременно была лиричной и нежной. Плавные и лёгкие переборы клавиш заглушал грозный бой барабанов. Она напоминала двух братьев равнодушного и сердечного, отчуждённого и приветливого, ненавидимого и желанного. Походила на эту весну столь долгожданную и трепетную, но при этом жестокою и пугающую. Внушавшую неопишуемый ужас тем, что непрерывно разворачивает всё более и более бесконечное полотно горестных дней, не давая ни единой поблажки и ни единого намёка на конец сего холста. Слыша звучание музыки, я закрыла глаза, представив свою альтернативную жизнь. Будто на том лесном озере

я увидела самого обыкновенного лягушонка и, само собой, не стала проверять, заколдованный он или нет. Будто вместо Фрида к маме на урок пришла какая-нибудь девчонка — например, одна из тех новеньких, что отказались заниматься из-за глупых слухов. Будто Гессы так и продолжили учиться в немецкой школе, а я и не подозреваю об их существовании. И не было никаких танцев, драк, свёклы, карточки, платья и споров.

Внезапно я наткнулась в сумке на смятые и поломанные во время сборов бумажные тюльпаны. Раечка... Эти растерзанные отцом цветы — единственное, что осталось у меня в память об этой замечательной малышке. Слезы покатались из глаз. За своими бесконечными тревожностями, что подчас весьма притянуты за уши, я не видела того, что нельзя восстановить, как испорченную репутацию или вернуть обратно, как книги в библиотеку. Её крохотную жизнь. Провидение отняло у неё побольше, чем ноги. Лишило детства, юности, зрелости и старости. А несчастную маму Таню раз и навсегда оставило без надежды. Польза будет вне себя от горя. А я за своими слезами не видала чужих. Пока Полина искала равнодушных людей, готовых помочь, я представляла, как стану трескать нескончаемые сладости и здоровски прибрахлюсь на увеличившуюся отцовскую получку. Ни единой мысли о ком-то, кроме себя. Ни единого проблеска участия и стремления поддержать хоть чем-то, кроме бестолковых, мёртвых слов, почти ничего не значащих без действий.

Ветреным весенним утром мы направлялись к набережной. Пароход быстро причалил и отец, оставив нас с Верой на берегу, живо зашагал по трапу. Издалека я едва смогла разглядеть силуэты Шуры и тёти. Отец помог им спуститься с палубы и взял поклажу. Неожиданно я заметила в толпе Любовь Павловну и Вилфрида. В руках ощутилась дрожь, захотелось закричать и позвать на помощь. Едва сумев заговорить, я принялась умолять Веру, чтобы та увезла меня прочь, но сестра собирала одуванчики, не обращая на мои просьбы никакого внимания. Навстречу Гессам на трап сошёл пожилой, седовласый и сухой старик с парой массивных чемоданов в руках. Пожилой мужчина обнял Вилфрида, а тот взял у него один из чемоданов. Скорее всего, это его дед — бывший Саратовский князь. Гесс довольно говорил о чём-то со стариком, то и дело улыбаясь. Ненавижу эту улыбку! И почему Вальди не выбил ему зубы?!

Я не заметила, как отец вместе с родными поднялся на берег. Пока мы приветствовали друг друга и разговаривали, по трапу торопливо шагали Гессы. Сердце билось с неистовой болью. С нашей последней встречи с Фридом прошло больше двух месяцев. И с каждым днём моя ненависть к нему становилась всё крепче и болезненнее. Руки снова задрожали, но я продолжала пристально смотреть в его сторону. Внезапно Фрид взглянул на меня и произнёс непривычно роб-

ким, исполненным сожаления голосом:

— Лиза, я не хотел.

— Я не прощу тебя! Никогда!

— Простишь. Ещё не время.

— Разве у нас оно ещё будет?

— Будет, — эхом прозвучал гулкий ответ. — Но мало... так мало.

Ослеплённая искрящейся на солнце речной гладью, я подняла глаза, едва сумев различить вмиг размывшийся образ говорившего. Похоже, что это был вовсе не Фрид, а его брат.

— Постой! — прокричала я исчезающему видению. — Не уходи! Я вылечусь? Скажи! Я ещё буду ходить?

— Лиза, Лизавета, просыпайся! Нам пора к Авдотьё Семеновне, — раздался голос Полянской, и, окутанная дымкой странных и противоречивых чувств, я открыла глаза. Самый главный вопрос так и остался без ответа.

За минувшие дни никто из друзей и соседей обо мне так и не вспомнил. Мать была всё также сурова и холодна. Отец по-прежнему не разговаривал и воротил рожу, с неохотой выломав в доме все пороги и в одиночку сделав настил на крыльце. Его приятели в лице Ивана Большакова и Степана Шумилина оказались ни чуть не лучше своих сыновей и всех остальных, не пожелав прийти на подмогу, как было заведено прежде. Даже Иван Митрофанович не шибко-то умело делал вид, что я ему не противна, а комплекс предложенных им упражнений по восстановлению и укреплению мышц, не да-

вал совершенно никаких результатов. Ноги ощущались почти также как в первые дни в госпитале. Иногда даже хуже. Я едва ли не мечтала о повторении неимоверно болезненных спазмов, то и дело возникавших в больнице, но и они давно перестали сжимать мышцы, в напоминание о том, что у меня всё ещё есть нижние конечности. Полянская настойчиво пыталась убедить родителей, что я слишком подавлена и мой настрой сводит все усилия на нет, но они ждали чёртовой справки. Бумажки, что важнее здоровья собственной дочери. Неужели не ясно, что не согласилась бы на треклятый осмотр, если бы было что скрывать?! Неужели вся прежняя пустяковая ложь стала поводом для абсолютного недоверия?! Ну ничего, сейчас мы доберёмся до акушерки, и родители поймут, как были неправы! Они будут просить прощения за брезгливое пренебрежение и бесконечные унижительные выпады, лишившее меня последних сил. Будут каяться и стыдливо опускать глаза, а я буду решать, как скоро извиню им подобное отношение. Потом правду узнают соседи и друзья — эти трусливые предатели, что от меня отвернулись. И Володенька, прекрасно знавший подлую натуру братца, но всё равно поверивший в гнусную ложь. Проверкой на вшивость стала сплетня скрипача и эту проверку прошла лишь Полянская. Лишь она одна поверила мне сразу. Без всяких справок и лишних слов.

Момент истины настал. Избавление от исподнего и его надевание с посторонней помощью вызывали у меня неопишу-

емый стыд. Щёки горели огнём, руки дрожали, а тело сжималось. И, похоже, акушерка по одному лишь моему поведению безошибочно поняла, что я невинна как дитя и живо написала бумажку, подтверждающую мою честность.

Полянская вручила матери справку, едва та успела возвратиться с работы, но в ответ раздалась лишь пронзающее нутро насмешка:

— И это заключение акушерки?!

Как смешит наше с Ниной Захаровной простодушие и наивное желание добиться правды! Справка не изменила ровным счётом ничего! Родители по-прежнему брезговали мною, будто помойным ведром. А для окружающих я так и оставалась изгоем. Всего раз мать принесла мне список домашних заданий, взяв всё у Мишки и сухо передав «от всех привет». Нужны мне ваши приветы, чёртовы предатели! Неужели и вы хотите узреть справку, что сделает меня ещё большим посмешищем?! Обездвиженность теперь казалась ничем по сравнению с вопиющей «безнравственностью». Я всё чаще вспоминала о Раечке, думая, отчего не родилась в теле этой несчастной девчушки и не умерла вместо неё той ночью?! Она — столь светлая и чистая душа достойна жить, жить и нести в мир прекрасное. Я же никогда не годилась ни на что, а в этом кресле бесполезна пуще прежнего. Вот только проведение снова что-то напутало, и я продолжаю существовать, предстая перед окружающими единым целым, тогда как всё внутри разрывается на мелкие ку-

сочки. Почему не сдохла под колёсами? Для чего продолжаю коптить небо?! Желание видеть этот мир, в одночасье оказавшийся несправедливым и жестоким, теперь утеряно окончательно. Исчезла надежда на выздоровление и живой, неустанный интерес ко всему вокруг. Я ждала лишь приезда Шуры, а всё прочее, всё, что имело смысл раньше, стало совершенно безразлично и блёкло. Не было ни единого часа, когда бы я не плакала в душе — беззвучно, но оттого не менее горько. Бессчётное множество раз я мечтала попасть в тот вечер накануне танцев и остаться дома, а ещё лучше вернуться в 1 января 1937 года и никогда, НИКОГДА не переступать порог дома Гессов. Надеюсь, Генрих и в правду проиграет его в карты и их оттуда вышвырнут.

Прошло 29 и 30 апреля, но тётя и Саша так и не приехали — видимо, обеих обязали явиться на демонстрацию. Что ж, в таком случае, довольно! Не стану больше ждать чьего-то понимания. Волга в этом году разлилась так быстро. Пусть в этот всеми любимый первомайский праздник её воды навсегда смоят мой позор. Незаметно от задремавшей Полянской я выехала из дому. Как же замечательно, что улица совершенно пуста! Пусть празднуют. Удобно и то, что торжество плавно перетечёт в поминки. Даже тратиться особо не придётся. Надеюсь, они не будут слишком уж тосковать. Вилфрид Гесс так вообще должен отбить чечётку! Пусть порадуются, пока есть повод! Он перевоспитал меня. Совсем скоро, сделав последнюю в своей жизни ошибку, я больше не опло-

шаю уже ни в чём. А он... хочется верить, что вряд ли вот так и просидит всю жизнь у Христа за пазухой. Когда-нибудь там закончится место, и он благополучно вывалится. И раз уж Бог велел молиться за врагов, то я молюсь, чтобы, когда это случилось, проведение помогло ему освоить новые уроки и научило принимать от жизни не только пряники, ведь даже они однажды могут стать поперёк горла.

Старые, прогнившие доски трапа, где часто рыбалили летом, протяжно скрипели под колёсами. Так странно являться сюда одной, без удочек, купального костюма и... в инвалидном кресле. Тогда с друзьями тут была совсем иная Лиза. Даже не верится. Не прошло и года, а жизнь перевернулась вверх дном, в то время как в округе всё осталось по-прежнему. Та же улица и дома, те же жители, вероятно, шествующие сейчас по парку-стадиону и поющие что-нибудь вроде «Марша весёлых ребят», слова которого тут же пришли в разрываемую несметными полчищами мыслей голову:

*Мы можем петь и смеяться, как дети
Среди упорной борьбы и труда,
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаёмся нигде и никогда.*

А я сдаюсь! Сдаюсь, родная земля. Сдаюсь, любимая Родина. Как же больно с тобой прощаться. Как горько уходить сейчас — почти не пожив на этом свете, но это единствен-

ный возможный выход. Лучшая возможность на освобождение от незаслуженного позора. Последний шанс на спасение из плена немощного тела. Не знаю, будет ли что-то за последним ударом сердца и выдохом. Но надеюсь, Господь простит мне столь страшный грех. Он ведь должен видеть, что у меня нет иного выхода. Не каждый кошмар заканчивается с пробуждением, и я больше не могу, не могу и не хочу смотреть это ужасающее видение.

В кронах ив чирикали птицы, зеленела молодая трава, солнце пригревало спину, а прозрачные волжские волны медленно уносились вдаль. Таким я запомню свой последний день на свете. Хочется пожелать им всем – всем, кто останется здесь, только счастья. Родителям — лёгкого принятия моего решения. Им и Вере так будет намного лучше. Пусть живут спокойно и дружно. Нине Захаровне — не поминать меня лихом и, наконец, поправиться. Всем одноклассникам и товарищам — успешного окончания школы и чтобы в дальнейшем любые преграды оказались по плечу. Але и Мишке — весёлую свадьбу и дом — полную чашу. Полине и Лёне, что станут мужем и женой прямо сегодня — крепкой семьи и здоровых деток. Володеньке — чистого, бескрайнего неба за бортом и надёжную, добродетельную избранницу. Слёзы застелили глаза, а руки задрожали. Попытавшись сползти с кресла, я резко очутилась в ледяной воде вместе с ним. В панике схватившись за коляску, я стремительно пошла ко дну и спавшая доселе воля к жизни, пробудившись, повлекла меня

из тёмной пучины вод к свету. Господи, помилуй! Господи, прости мою душу! Мне так страшно, так холодно. Но я хочу жить, отчаянно и смертельно хочу жить!

Глава 6 — Пробуждение

Не каждый кошмар заканчивается с пробуждением, но каждое пробуждение есть ключ к новому дню и новой жизни. И сейчас, лёжа в постели с огненной горячкой, я хочу оставить эту отчаянную и безумную попытку свести счёты с жизнью позади, под замком, за закрытой дверью. Пусть она затеряется где-то в самых далёких уголках памяти и покроется таким слоем пыли и паутины, что даже в те минуты, когда я попытаюсь прокрутить в мыслях этот эпизод — он будет столь тусклым, что не удастся ничего рассмотреть. Меня спасли те самые дядька с чудаком-сыном, живущие напротив трапа. И, на моё счастье, замкнутость одного и юродство второго, наверняка, позволят уберечь эту историю от посторонних ушей. Одна беда — кресло всё же ушло под воду, и я изрядно переживала, где и за какой счёт родители достанут новое. Тем не менее, ни отец, ни мать, не говорили ни слова относительно произошедшего. Лишь несколько раз я слышала обрывки разговоров матери и Полянской, из которых прояснилось, что никто ничего не узнал, а про кресло сказали, будто развалилось из-за ветхости. Оно досталось нам за копейки, и, похоже, поэтому утопление не вызвало у родителей особого сокрушения. Пусть моя холодная весна, как и ветхое, скрипучее кресло, останется где-то глубоко под толщей волжских волн, а я научусь жить заново. Назло врагам и

на радость тем немногим, кто мне верит. Я наберусь терпения, и когда-нибудь правда непременно станет очевидна.

Простуда продолжалась почти неделю, а по выздоровлении у меня появилась новая коляска — Иван Митрофанович взял её у своего, недавно излечившегося пациента. На радостях бывший владелец отдал транспорт даром. За «спасибо» и мешок картошки. Кресло оказалось гораздо новее и удобнее, а колёса шли легко и тихо. Кроме коляски, меня ждал ещё один, если можно так выразиться, сюрприз. Неожиданный и глупый, и, кроме того, невыносимо расстраивающий и даже злящий своей несвоевременностью. В комнате, где мама проводила уроки музыки, стояло новенькое пианино — заветная, но так поздно сбывшаяся мечта.

— Красный Октябрь. Прямиком из Ленинграда, — гордо улыбалась мама, стоя напротив чёрного, лакированного пианино, красовавшегося в лучах солнечного света. В верхней части фундаментального корпуса виднелся цветочный узор, покрытый золотистой краской. Я с нетерпеливым волнением и трепетом подъехала к величественному инструменту, проведя чуть дрожащими от неясных чувств пальцами по приятным на ощупь, вогнутым завиткам растительного мотива, придававшим фортепьяно более нарядный и романтичный вид. Я осторожно открыла крышку, увидев перед собой чёрно-белое поле клавиш. Коснувшись пары из них, почувствовала их мягкую податливость. Этот загадочный, чёрный, полированный инструмент, внушающий благоговение своей

величавой, благородной красотой, при моём прикосновении оживал, издавая тонкие, тихие и трогательные мотивы, но в то же время тяжёлый и слегка пугающий рокот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.